

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

pravojournal.ru

4 (9) / 2020

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права

№ 4 (9)

Вологда 2020

Издается с июня 2018 года
Выходит пять раз в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний»,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет: 04.09.2020

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г.

© ВИПЭ ФСИН России, 2020

© ВоГУ, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал, г. Воронеж), доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, академик РАЕ, доцент, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Санташов А. Л. – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	6
НАГОРНЫХ Р. В. Обособление предмета административного права	10
КОНТАРЕВ А. В., ДЕРБИНА О. В. Государственная инспекция труда как субъект государственного контроля (на примере Вологодской области).	14
ВОРОНИНА Н. П. Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования	18
ШОРГИНА Е. В. Особенности исполнения договора аренды имущества для государственных нужд уголовно-исполнительной системы	22
КУЧИН О. С. Когда результаты оперативно-розыскного мероприятия «опрос» могут быть доказательствами по уголовному делу	28
ГОЛОДОВ П. В. Некоторые организационно-правовые принципы обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы.	32
КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. Общественная палата субъекта Российской Федерации как координатор общественного контроля в регионе: теория и практика	37
СВИНИН Е. В. Государство и общественный контроль: идеологические аспекты формирования правового порядка	41
КАРЛОВ И. В., КАРГИНА Ю. Ю. Криминологические и правовые средства противодействия распространению экстремизма в Российской Федерации	45
КОРЯКИН И. Ю., САНТАШОВА Л. Л. Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в некоторых зарубежных странах	49
КУНЦ Е. В. Правовая политика в отношении женщин – жертв преступлений	53
МИСЮРЕВА Н. С. Практика назначения принудительных работ как вида уголовного наказания	56
НЕКРАСОВ В. Н. Анализ субъективной стороны отдельных преступлений в области инновационной деятельности	61
ТАРАКАНОВ И. А. Необходимая оборона: особенности уголовно-правовой оценки оборонительных действий от угрозы имитацией огнестрельного оружия	65
СПИРИДОНОВА Ю. Н. Об отдельных аспектах полномочий органов дознания	70
АНОНС МОНОГРАФИИ	74

CONTENT

CHIEF EDITOR'S NOTE	6
NAGORNYKH R. V. Separation of the subject of administrative law	10
KONTAREV A. V., DERBINA O. V. State labor inspectorate as a subject of state control (on the example of the Vologda Region)	14
VORONINA N. P. Digital agriculture of Russia: directions for improving legal regulation	18
SHORGINA E. V. Features of execution the lease of property for state needs of the penal system	22
KUCHIN O. S. When the results of the operational-search measure "questioning" may be evidence in a criminal case	28
GOLODOV P. V. Some organizational and legal principles for ensuring the rights of convicts in prisons	32
KIRILOVSKAYA N. N. Public Chamber of a constituent entity of the Russian Federation as a coordinator of public control in the region: theory and practice	37
SVININ E. V. State and public control: ideological aspects of legal order formation	41
KARLOV I. V. , KARGINAYU. YU. Criminological and legal means of countering the spread of extremism in the Russian Federation	45
KORYAKIN I. YU., SANTASHOVA L. L. Features of execution imprisonment in some foreign countries	49
KUNTS E. V. Legal policy for women – victims of crime	53
MISYUREVA N. S. The practice of imposition compulsory labor as a form of criminal punishment.	56
NEKRASOV V. N. Analysis of the subjective side of individual crimes in the field of innovation	61
TARAKANOV I. A. Justifiable defense: features of the criminal law assessment of defensive actions against threats by imitation of firearms	65
SPIRIDONOVA Y. N. On certain aspects of the powers of inquiry bodies	70
MONOGRAPH ANNOUNCEMENT	74

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается четвертый в 2020 году выпуск сетевого научно-практического журнала «Ius Publicum et Privatum».

Основная задача журнала – стать открытой площадкой для свободного обмена мнениями и идеями по широкому кругу юридических вопросов. Его издание способствует совершенствованию юридической практики, повышению качества подготовки юридических кадров и проводимых научных исследований.

Выпуск открывают материалы, публикуемые в рамках специальности **«Административное право; административный процесс»**. Статья *«Обособление предмета правового регулирования административного права»* подготовлена профессором кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России доктором юридических наук, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации Р. В. Нагорных. Исследование посвящено актуальной проблеме содержания административно-правового регулирования в области государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний и имеет своей целью установление взаимосвязи норм административного права с нормами уголовно-исполнительного и других отраслей права, уяснение особенностей административной деятельности в уголовно-исполнительной системе. Опираясь на современные представления о предмете российского административного права, автор раскрывает основные группы административно-правовых отношений в области государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний.

Раздел продолжает статья специалиста по охране труда ООО «ПИИ “Севзапдорпроект”» А. В. Контарева и доцента кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента О. В. Дербиной *«Государственная инспекция труда как субъект государственного контроля (на примере Вологодской области)»*. В ней представлены сведения об организации и результатах работы государственной инспекции труда в Вологодской области, обозначены отдельные проблемные вопросы осуществления проверок соблюдения трудового законодательства об охране и безопасности труда, определены причины нарушений трудового законодательства. Авторы подчеркивают значимость деятельности государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации для обеспечения исполнения законодательства об охране труда.

В рамках специальности **«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»** размещены две статьи, одна из которых – *«Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования»* – подготовлена доцентом кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом Н. П. Ворониной. Работа посвящена актуальным проблемам нормативного регулиро-

вания цифровизации сельского хозяйства. Автор формулирует вывод о том, что правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства нуждается в следующих изменениях: корректировке документов стратегического планирования в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий в части определения цифровизации как направления государственной аграрной политики; приведении аграрных политико-правовых актов в соответствие с документами стратегического планирования, направленными на цифровизацию российской экономики, и др. Вторая статья – «*Исполнение договорных обязательств по аренде имущества для государственных нужд уголовно-исполнительной системы*» – подготовлена преподавателем кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России Е. В. Шоргиной. Автор рассматривает специфику арендного обязательства при заключении контракта посредством проведения закупочных процедур. В статье раскрываются порядок и особенности исполнения договора аренды имущества, когда субъектами выступают учреждения уголовно-исполнительной системы. Делается вывод о необходимости разработки типового контракта и сопутствующих ему документов для оформления надлежащего исполнения договора аренды.

По специальности «**Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность**» размещена статья профессора кафедры криминалистики МГУ имени М. В. Ломоносова доктора юридических наук, академика РАН, доцента, заслуженного деятеля науки и техники РАН О. С. Кучина, посвященная исследованию такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос. Автор формулирует вывод о том, что опрос при его надлежащем и профессиональном проведении может стать одним из источников доказательств по уголовному делу и вполне успешно использоваться в установлении всех обстоятельств совершенного преступления.

Специальность «**Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность**» представлена статьей профессора кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента П. В. Голодова «*Некоторые организационно-правовые принципы обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы*». На основе исследования теоретических источников и материалов правоприменительной практики автором формулируются организационно-правовые принципы, которые следует учитывать в процессе обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы.

В рамках специальности «**Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Российской Федерации**» размещены две статьи. Статья «*Общественная палата субъекта Российской Федерации как координатор общественного контроля в регионе: теория и практика*» подготовлена начальником кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом Н. Н. Кириловской. В ней анализируются теоретические и практические аспекты статуса общественной палаты субъекта Российской Федерации как координатора общественного контроля в регионе. Статья заместителя начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидата юридических наук, доцента Е. В. Свирина «*Государство и общественный контроль: идеологические аспекты формирования правового порядка*» посвящена исследованию института общественного контроля, выступающего значимым средством диалога государства и общества. Автор акцентирует внимание на том, что государство заинтересовано в общественном контроле, поскольку он обеспечивает легитимность власти, а значит, ее стабильность.

Наибольшее количество публикаций представлено по специальности **«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»**. В статье преподавателя кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России кандидата юридических наук И. В. Карлова и курсанта 2 курса юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России Ю. Ю. Каргиной рассматриваются основные уголовно-правовые, административные и криминологические средства противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации. Авторы анализируют основные статистические показатели преступности и административных правонарушений, профилактическую деятельность и международное сотрудничество государственных органов, а также основные изменения, связанные с декриминализацией части преступных деяний, и их последствия.

Вторая статья – *«Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в некоторых странах»* – подготовлена студентом 3 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России И. Ю. Корякиным и доцентом кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук Л. Л. Санташовой. В ней анализируются особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в Германии, Швейцарии и Италии: определяются некоторые права и обязанности осужденных, виды исправительных учреждений, меры по содействию со стороны государства в личных и экономических вопросах, решении социальных проблем осужденных, готовящихся к освобождению из мест лишения свободы. Представлен опыт смягчения отбывания наказания осужденным, впервые совершившим преступление, обозначены возможности отдельного содержания осужденных в тюремных камерах, предоставления отпусков при отсутствии взысканий.

Статья ведущего научного сотрудника Научно-исследовательского института ФСИН России доктора юридических наук, профессора Е. В. Кунц посвящена теме правовой политики в отношении женщин – жертв преступлений. Исследование затрагивает важные вопросы ущемления прав женщин. По мнению автора, отрицательное воздействие внешних факторов на лиц женского пола влияет на их внутреннее состояние, что в ряде случаев приводит к тому, что женщина выступает в роли жертвы, потерпевшей. С точки зрения виктимологии это создает серьезные проблемы как для нее самой, так и для окружающих.

Статья *«Практика назначения принудительных работ как вида уголовного наказания»* подготовлена Н. С. Мисюревой. Проанализировав уголовное законодательство и судебную практику, автор приходит к выводу о целесообразности создания двух видов исправительных центров, в которых возможно раздельное содержание различных по степени опасности и криминальной зараженности категорий осужденных.

Следующая статья – *«Анализ субъективной стороны отдельных преступлений в области инновационной деятельности»*, автором которой является доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидат юридических наук В. Н. Некрасов, преимущественно посвящена рассмотрению преступлений в области вредоносного вида инновационной деятельности. В ней проанализированы результаты анкетирования лиц, осужденных за данные преступления.

Завершает рубрику статья доцента кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России кандидата юридических наук, доцента И. А. Тараканова, в которой исследуются особенности применения норм института необходимой обороны при оценке правомерности оборонительных действий от угрозы имитацией огнестрельного оружия.

Завершают выпуск материалы по специальности **«Уголовный процесс»**. Статья «*Об отдельных аспектах полномочий органов дознания*» подготовлена начальником кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России кандидатом юридических наук, доцентом Ю. Н. Спиридовой. В работе рассматриваются отдельные элементы полномочий органов дознания, такие как прием, регистрация и проверка сообщений о преступлениях, производство расследования в форме дознания, процессуальный контроль за расследованием уголовных дел в форме дознания, анализируется зарубежный опыт регламентации ускоренного досудебного производства. Автор приходит к выводу, что совершенствование законодательной техники и дальнейший поиск оптимальной формы ускоренного производства приведут к положительным результатам в сфере оптимизации уголовно-процессуальной деятельности органов дознания.

Надеемся, что в нашем журнале вы найдете интересную и полезную информацию, а также примете активное участие в обсуждении актуальных проблем юридической науки.

Приглашаем всех желающих к сотрудничеству и опубликованию на страницах нашего журнала результатов своих научных исследований.

*С уважением, главный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Евгений Леонидович Харьковский*

Обособление предмета административного права

Р. В. НАГОРНЫХ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Статья посвящена вопросам становления и развития административного права как самостоятельной отрасли юридического научного знания. Появление административного права было исторически обусловлено необходимостью ограничения монархической власти и защиты основных неотъемлемых личных прав и свобод человека от феодальной власти. Институты раннего административного права (системы разделения властей, гражданства, защиты прав и свобод личности и др.), пришедшие на смену феодальным моделям управления, и сегодня являются базовыми административно-правовыми институтами в демократических правовых системах, а эффективный правовой механизм защиты прав и свобод граждан от произвола со стороны государства – краеугольным камнем современных зарубежных демократических концепций административно-правового регулирования.

Ключевые слова: государственное управление; административно-правовое регулирование; предмет административного права.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Separation of the subject of administrative law

R. V. NAGORNYKH – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

The article is devoted to the issues of formation and development of administrative law as an independent branch of legal scientific knowledge. The occurrence of administrative law was historically determined by the need to limit monarchical power and protect the basic inalienable personal rights and freedoms of a person from feudal power. The institutes of early administrative law (systems of separation of powers, citizenship, protection of the rights and freedoms of the individual, etc.), which replaced the feudal models of governance, are today the basic administrative and legal institutions in democratic legal systems, and an effective legal mechanism for protecting the rights and freedoms of citizens from arbitrariness by the state – the cornerstone of modern foreign democratic concepts of administrative regulation.

Key words: public administration; administrative and legal regulation; subject of administrative law.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

Административное право и процесс представляет собой динамично развивающуюся систему научного знания, которая охватывает различные социально-правовые явления в сфере публичного (государственного и связанного с ним негосударственного) управления. Теоретическую основу административного права и процесса образуют научные представления о закономерностях развития общества и государства, выработанные социальной философией, экономикой, социологией, политологией,

отечественной и зарубежной историей, социальной антропологией, теорией управления и другими гуманитарными науками. Ведущую роль в формировании современного административного права и процесса играют теория и история государства и права, теория государственного управления и конституционное право, которые образуют методологический базис.

Наука административного права и процесса находится в состоянии постоянного развития, научного поиска и исследования изменений в сфере государственного управления. Круг этих проблем в самом расширительном толковании сводится к определению места и роли административно-правового регулирования в правовой системе государства и в механизме публичного управления, уточнению предмета, метода и системы административного права и процесса, уяснению его значения в обеспечении прав и свобод человека и гражданина, формированию современной административно-правовой доктрины, теоретической разработке отдельных институтов административного права и процесса, совершенствованию административного законодательства и правоприменительной практики и др.

Научные представления об основных административно-правовых явлениях, то есть явлениях, возникающих в процессе публичного управления, исторически детерминированы и отражают конкретно-исторические этапы развития социума. Публичные способы и средства регулирования общественных отношений возникли в глубокой древности и берут свое начало с момента возникновения государственного управления как основной формы реализации публичной власти. Еще Ф. Энгельс подчеркивал, что «существенный признак государства состоит в публичной власти, отделенной от массы народа»¹. Именно зарождение публичной власти, необходимой для разрешения классовых противоречий, контроля над средствами производства, распределения накопленных богатств, поддержания общественного порядка и защиты от внешних угроз, послужило основой для возникновения государства и публичного права, которое уже в ранние периоды содержало правовые нормы, относимые в современных правовых системах к государственному, конституционному, административному, муниципальному и другим отраслям права.

Первичные формы административно-правового регулирования, а точнее правового

регулирования в сфере государственного управления, были известны еще на заре цивилизации. Например, в Законах Хаммурапи закреплялся классовый характер Вавилонского царства, устанавливались различия в правовом положении подданных, определялся особый правовой статус чиновников, управляющих царскими землями, регулировались общие правила отправления правосудия². В древнеиндийском праве (Законы Ману) содержались наставления об обязанностях царя, управлении государством, судопроизводстве и юридической практике³.

Исключительное место в становлении теории и практики правового регулирования институтов государственной власти и государственного управления занимает римское публичное право, которое в республиканский и имперский периоды достигло высочайшего уровня своего развития, в том числе в систематизации, классификации и формировании иных элементов юридической техники. Предмет регулирования римского публичного права составляли общественные отношения в области устройства централизованного римского государства и его провинций, правового положения органов государственной власти (народного собрания, сената, магистратур), порядка их формирования, установления полномочий, назначения на государственные должности, взаимоотношения институтов государства с частными лицами, отправления правосудия, защиты от противоправных посягательств и т. п.⁴ Римское публичное право оказало огромное влияние на становление теории и практики публичного управления и в дальнейшем было реципировано в публичное право государств средневековой Европы и Византии.

В средневековой Европе зарождение феодальных производственных отношений обусловило необходимость правового закрепления имущественных и земельных прав феодала, поддержания общественного порядка, установления власти феодальной знати, сословности и привилегий. В отличие от римского права, средневековое европейское право не было систематизировано, разделено на отрасли, оно имело различные источники и во многом опиралось на обычное право. На территории одного государства могли одновременно применяться нормы обычного, городского и канонического права, что предопределяло широкое использование феодальной властью различных форм насильственного принуждения в отношении населения, его по-

степенного закрепощения. Как отмечается в научной литературе, главной особенностью феодального права был партикуляризм, то есть отсутствие единой системы права в масштабе всей страны, преобладание в нем местных обычаев и раздробленный характер права⁵.

В поздний период существования феодальных государств, когда происходило становление абсолютизма, роль централизованного публичного правового регулирования существенно возросла. Получили широкое распространение нормативные акты в виде законов, ордонансов, кодексов, сборников законодательства, в которых закреплялись абсолютные права монарха и сословной знати в сфере государственного управления. Эта эпоха стала предвестницей зарождения буржуазного (капиталистического) права и появления более развитой системы отраслей права и законодательства в сфере публичного государственного управления. Вершиной теоретического осмысления публичного управления в рассматриваемый период явилось развитие камералистики (нем. *Kameralistik*, от *camera* – дворцовая казна). В германской экономической литературе XVII–XVIII вв. камералистика представляла собой совокупность административных и хозяйственных знаний по ведению камерального (дворцового и в широком смысле государственного) хозяйства⁶, борьбе с преступностью, поддержанию правопорядка, регулированию деятельности полиции и т. п. Наиболее заметными работами представителей немецкой камералистики конца XVIII – начала XIX вв. являются труды Иоганна Генриха Готлиба фон Юсти «Основные теоремы полицейской науки» (1782), «Система финансов» (1756), «План хорошего правительства» (1759), «Основы власти и блаженства государств» (1760–1761)⁷, а также Йозефа Зонненфельса «Принципы действий полиции и государственных финансов» (1775–1776)⁸.

Развитие капиталистических производственных отношений и появление свободного капитала привели к развитию института частной собственности на средства производства и необходимости освобождения рабочей силы от феодальной зависимости. Это в свою очередь предопределило необходимость ограничения абсолютной власти монархии и расширения личных прав и свобод подданных, появление пролетариата. Череда буржуазных революций в Западной Европе в XVII–XVIII вв. и появление капита-

листических государств, основанных на системе разделения властей, задали новый вектор развития публичного права и обусловили появление самостоятельной отрасли административного права.

Развитие гуманистических взглядов на сущность государства и общества в этот период обусловило появление теории прав человека⁹ и привело к существенной трансформации систем государственного управления. Теоретическое обоснование системы разделения властей, обособления исполнительной власти и, как следствие, развития соответствующей отрасли права, регулирующей функционирование исполнительной власти, связано с трудами выдающихся мыслителей того времени: Иммануила Канта, Джона Локка, Шарля Монтескье, Жан-Жака Руссо, Вольтера и др. В их работах были выдвинуты передовые идеи создания правового государства, которые пришли на смену концепции «полицейского» государства периода абсолютистских монархий. Ограничение полномочий монархов посредством установления республиканских форм правления, создание парламентов и независимых судов обусловили усиление подконтрольности исполнительной власти со стороны общества и привели к появлению развитых институтов публичного права. Ярчайшим правовым памятником той эпохи является Конституция Франции, принятая Национальным собранием 3 сентября 1791 г. В ее основу была положена Декларация прав человека и гражданина. Верховная власть, «единая, нераздельная, неотчуждаемая и неотъемлемая», принадлежит нации: все власти делегируются нацией; представители ее – законодательное собрание (фр. *le corps législatif*) и король¹⁰. Главные принципы конституции 1791 г. (личная неприкосновенность, свобода веры, мысли и слова, политические права) послужили основой для всех последующих европейских конституционных актов вплоть до настоящего времени. Принятие в XVII–XIX вв. европейских конституций и конституционных актов, закрепляющих права и свободы человека и гражданина, обусловило развитие сопутствующего законодательства в публично-правовой сфере (по сути, законодательства административного), уточняющего и конкретизирующего конституционные нормы применительно к отдельным сферам функционирования государства, дальнейшей его отраслевой систематизации и кодификации.

Таким образом, появление административного права было исторически обусловлено необходимостью ограничения монархической власти и защиты основных неотъемлемых личных прав и свобод человека от феодальной власти. Институты системы разделения властей, гражданства, защиты прав и свобод личности, пришедшие на смену феодальному управлению, и се-

годня являются базовыми административно-правовыми институтами в демократических правовых системах, а эффективный правовой механизм защиты прав и свобод граждан от произвола со стороны государства – краеугольным камнем современных зарубежных демократических концепций административно-правового регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М., 1989. С. 118.

² См.: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран и римскому праву / отв. ред. И. А. Исаев. М., 2018. С. 12–24.

³ См.: Эльманович С. Д., Ильин Г. И. Законы Ману (Манавадхармашастра). М., 2002. С. 77–114.

⁴ См.: Покровский И. А. История римского права / вступ. ст., пер. с лат., науч. ред. и коммент. А. Д. Рудокваса. СПб., 1998. С. 65–85.

⁵ См.: Федоров А. Н. Раздробленность или взаимодействие: о партикуляризме права средневековой Западной Европы // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2015. № 23 (378). С. 18–33.

⁶ См.: Справочный энциклопедический словарь. URL: <https://znanium.com/catalog/product/357860> (дата обращения: 16.06.2020).

⁷ См.: Юсти, Иоганн Генрих Готлиб // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10212/#page/453/mode/1up> (дата обращения: 18.06.2020).

⁸ См.: Карстенс С. Учитель – писатель – реформатор. Карьера Йозефа Зонненфельса (1733–1817) // Истор. экспертиза. 2014. № 1. С. 171–175.

⁹ См.: Оботурова Н. С. Проблема прав человека в контексте идей гуманизма и трансгуманизма // Пенитенциар. наука. 2020. Т. 14, № 2. С. 155–161.

¹⁰ См.: Документы истории Великой французской революции : в 2 т. / отв. ред. А. В. Адо. М., 1990. Т. 1. С. 112–141.

¹ Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva: v svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana. M., 1989. S. 118.

² Sm.: Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhnyh stran i rimskomu pravu / отв. ред. I. A. Isaev. M., 2018. S. 12–24.

³ Sm.: El'manovich S. D., Il'in G. I. Zakony Manu (Manavadharmashastra). M., 2002. S. 77–114.

⁴ Sm.: Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava / vstup. st., per. s lat., nauch. red. i komment. A. D. Rudokvasa, 1998. S. 65–85.

⁵ Sm.: Fedorov A. N. Razdroblennost' ili vzaimodejstvie: o partikulyarizme prava srednevekovoj Zapadnoj Evropy // Vestn. Chelyabin. gos. un-ta. 2015. № 23 (378). S. 18–33.

⁶ Sm.: Spravochnyj enciklopedicheskij slovar'. URL: <https://znanium.com/catalog/product/357860> (data obrashcheniya: 16.06.2020).

⁷ Sm.: YUsti, Iogann Genrih Gotlib // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10212/#page/453/mode/1up> (data obrashcheniya: 18.06.2020).

⁸ Sm.: Karstens S. Uchitel' – pisatel' – reformator. Kar'era Jozefa Zonnenfel'sa (1733–1817) // Istor. ekspertiza. 2014. № 1. S. 171–175.

⁹ Sm.: Oboturova N. S. Problema prav cheloveka v kontekste idej gumanizma i transgumanizma // Penitenciar. nauka. 2020. T. 14, № 2. S. 155–161.

¹⁰ Sm.: Dokumenty istorii Velikoj francuzskoj revolyucii : v 2 t. / отв. ред. A. V. Ado. M., 1990. T. 1. S. 112–141.

УДК 342.95

Государственная инспекция труда как субъект государственного контроля (на примере Вологодской области)

А. В. КОНТАРЕВ – специалист по охране труда ООО «ПИИ “Севзапдорпроект”»;

О. В. ДЕРБИНА – доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье представлены сведения об организации и результатах работы государственной инспекции труда в Вологодской области. Указаны отдельные проблемные вопросы при осуществлении проверок соблюдения трудового законодательства об охране и безопасности труда. Отмечается наличие значительного количества нарушений в сфере условий и охраны труда. Определены причины нарушений трудового законодательства. Подчеркивается важное значение государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации по обеспечению исполнения законодательства об охране труда.

Ключевые слова: государственное управление охраной труда; контроль за соблюдением трудового законодательства; Государственная инспекция труда; нарушения трудового законодательства; предписание; административная ответственность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

State labor inspectorate as a subject of state control (on the example of the Vologda Region)

A. V. KONTAREV – Work Safety Specialist of the LLC «FDI “Sevzapdorproject”»;

O. V. DERBINA – Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article provides information on the organization and results of the state labor inspection in the Vologda Region. Some problematic issues are indicated during inspections of compliance with labor legislation on labor protection and safety. It notes the presence of a significant number of violations in the field of conditions and labor protection. The causes of violations of labor legislation are identified. The importance of state military inspectorates from labor in the constituent entities of the Russian Federation to ensure the enforcement of labor safety legislation is emphasized.

Key words: public administration of labor protection; monitoring compliance with labor laws; State labor inspectorate; violation of labor law; prescription; administrative responsibility.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

Государственное управление охраной труда – это особый вид деятельности органов государственной власти по организации обеспечения безопасных условий труда ра-

ботников. Одним из субъектов этой деятельности является Государственная инспекция труда, осуществляющая профилактику производственного травматизма, предупреж-

дение нарушений, что способствует снижению смертности в результате несчастных случаев на производстве, созданию безопасных и комфортных условий труда.

В условиях пандемии коронавирусной инфекции в целях сохранения здоровья многие предприятия были вынуждены изменить принципы организации работы. Для сведения к минимуму контактов между людьми и снижения риска заболевания сотрудники были переведены на удаленную работу, им изменили графики работы, сократили рабочее время. В некоторых случаях работники были отправлены в отпуск за свой счет без сохранения зарплаты или же уволены, оформляясь простой предприятия или сокращение штатов. При этом предпринимаемые работодателем меры зачастую не соответствовали интересам работника, нарушали его трудовые права. В сложившейся эпидемиологической ситуации особенно возросли контролирующая и информационно-разъяснительная функции Государственной инспекции труда.

Государственные инспекции являются территориальными органами Федеральной службы по труду и занятости в субъектах Российской Федерации. Государственная инспекция труда в Вологодской области (Гострудинспекция в Вологодской области) функционирует на основании приказа Роструда от 31.03.2017 № 205 «Об утверждении Положения о территориальном органе Федеральной службы по труду и занятости – Государственной инспекции труда в Вологодской области»¹. Штатная численность инспекции составляет 23 сотрудника, из них 20 уполномочены осуществлять государственный надзор за соблюдением трудового законодательства. Руководит инспекцией Главный государственный инспектор труда в Вологодской области.

На территории Вологодской области зарегистрировано 74,5 тыс. хозяйствующих субъектов, в отношении которых Государственной инспекцией труда осуществляется государственный надзор. Так, в 2018 г. было проведено 869 проверок, проинспектировано 563 юридических лица и индивидуальных предпринимателя (0,8 % от общего числа зарегистрированных в области хозяйствующих субъектов). Плановые проверки составили 12 % от общего количества проверок, остальные явились внеплановыми (либо в рамках исполнения ранее выданных предписаний, либо по заявлениям (обращениям) физических и юридических лиц, информации органов государственной власти, мест-

ного самоуправления, средств массовой информации, либо на основании ведомственных приказов)².

В ходе проверок выявлено 1339 нарушений трудового законодательства, наибольшее количество – в организациях сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, обрабатывающих производств, оптовой и розничной торговли, ремонта автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного пользования, строительства, здравоохранения и предоставления социальных услуг. В целях устранения выявленных в ходе надзорной деятельности нарушений трудового законодательства работодателям выдано 281 предписание³.

За нарушение трудового законодательства инспекторами труда привлечены к административной ответственности по ст. 5.27, 5.27.1 КоАП РФ в виде штрафа 842 чел., в виде предупреждения – 330 чел. В органы прокуратуры и следствия направлено 120 материалов для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении трудового законодательства⁴.

В 2018 г. Государственной инспекцией труда в Вологодской области рассмотрено 2740 обращений граждан. В ходе личного приема даны консультации по вопросам трудового законодательства, оказана правовая помощь в защите трудовых прав 2314 лицам. Основная часть обращений содержала вопросы по оплате труда или исполнению трудового договора (своевременность выплаты заработной платы, оплата труда в условиях отклоняющихся от нормальных, законность увольнения, перевода на другую работу, заключения дополнительных соглашений к трудовым договорам в связи с изменением условий договоров).

За нарушения трудового законодательства, допущенные в отношении заявителей, привлечено к административной ответственности в виде штрафа 166 лиц. 22 гражданам оказана правовая помощь при подготовке судебных исков по трудовым спорам.

Основными причинами нарушений трудового законодательства являются:

- тяжелое финансово-экономическое положение хозяйствующих субъектов;
- недостаточный уровень правовых знаний руководителей и других должностных лиц организаций;
- ненадлежащая организация производства работ;
- неудовлетворительное техническое состояние оборудования, зданий, сооружений;

– отсутствие должного контроля со стороны должностных лиц за состоянием производственного оборудования и соблюдением работниками технологических процессов и требований инструкций по охране труда.

Анализ практики проверочных мероприятий по соблюдению трудового законодательства свидетельствует о наличии проблем в данном направлении деятельности.

Зачастую при проверке инспектор устанавливает, что в организации отсутствует ее руководитель или иное лицо, имеющее право представлять ее интересы. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»⁵ должностные лица не вправе проводить проверку при отсутствии руководителя организации или ее уполномоченного представителя.

Имеют место случаи, когда инспектору несвоевременно предоставляются требуемые для проверки документы, что является воспрепятствованием со стороны работодателя осуществлению контрольных мероприятий.

Не урегулирована должным образом процедура документирования выявленных в ходе проверки нарушений. Так, согласно ч. 1 ст. 28.5 КоАП РФ протокол об административных правонарушениях составляется незамедлительно после выявления правонарушения. Однако нарушения, выявленные инспектором в ходе проверки, находят отражение в акте проверки, который готовится по окончании проверки.

Согласно приказу Роструда от 02.09.2015 № 238 «Об утверждении Перечня должностных лиц Федеральной службы по труду и занятости и ее территориальных органов, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях»⁶ инспектор не вправе составлять протоколы на юридических лиц, так как эти полномочия имеют должностные лица не ниже главного государственного инспектора труда. Указанная норма выступает еще одним препятствием к оперативному привлечению к ответственности лиц, допустивших правонарушение.

Наличие вопросов, связанных с несовершенством правового регулирования и культурой поведения отдельных лиц, способствует тому, что зачастую хозяйствующие субъекты избегают ответственности за до-

пущенные нарушения трудового законодательства.

Одно из важных направлений деятельности – это надзорные мероприятия за соблюдением установленного порядка расследования и учета несчастных случаев на производстве. Анализ несчастных случаев по видам экономической деятельности показывает, что самый высокий уровень травматизма отмечается среди работников обрабатывающих производств (36,7 %), сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства (23,3 %) и строительства (13,3 %).

В 2018 г. при проведении надзорных мероприятий было выявлено девять нарушений, связанных с расследованием, оформлением и учетом несчастных случаев на производстве. Расследовано три сокрытых несчастных случая.

Основными недостатками порядка расследования, оформления и учета несчастных случаев на производстве являются:

- нарушение работодателями установленных сроков расследования несчастных случаев на производстве;

- несоблюдение установленного порядка направления извещений о происшедших групповых несчастных случаях, тяжелых несчастных случаях, несчастных случаях со смертельным исходом в определенные трудовым законодательством органы и организации и, как следствие, их расследование комиссиями ненадлежащего состава;

- несоответствие причин несчастных случаев на производстве, установленных в ходе расследования, фактическим обстоятельствам происшествия;

- необоснованное возложение вины в происшедшем несчастном случае на пострадавшего (как правило, при проведении расследований комиссиями организаций несчастных случаев на производстве, в результате которых работники получили легкие повреждения здоровья) и, как следствие, необоснованное освобождение от ответственности должностных лиц организаций, ответственных за допущенные нарушения государственных нормативных требований охраны труда, послуживших истинными причинами несчастных случаев;

- нарушения установленного порядка оформления материалов расследования, в том числе актов о несчастных случаях на производстве;

- необоснованная квалификация несчастных случаев как несчастные случаи, не связанные с производством.

В заключение отметим, что государственные инспекции труда по субъектам Российской Федерации играют важную роль в обеспечении исполнения законодательства об охране труда, поскольку этими относи-

тельно небольшими по штатной численности органами реализуется значительный объем разнообразных мероприятий. Однако количество нарушений в сфере условий и охраны труда остается значительным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: URL: https://git35.rostrud.ru/upload/iblock/9a8/_-.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

² См.: Отчет о деятельности Государственной инспекции труда в Вологодской области в 2018 г. URL: https://git35.rostrud.ru/deyatelnost_gosudarstvennoy__inspektсии_truda/ (дата обращения: 30.04.2020).

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6249.

⁶ См.: Рос. газ. 2015. № 223.

¹ См.: URL: https://git35.rostrud.ru/upload/iblock/9a8/_-.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

² См.: Отчет о деятельности Государственной инспекции труда в Вологодской области в 2018 г. URL: https://git35.rostrud.ru/deyatelnost_gosudarstvennoy__inspektсии_truda/ (дата обращения: 30.04.2020).

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Собр. законодатель'ства Рос. Федерacии. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6249.

⁶ См.: Рос. газ. 2015. № 223.

УДК 349.42

Цифровое сельское хозяйство России: направления совершенствования правового регулирования

Н. П. ВОРОНИНА – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Статья посвящена анализу современного состояния правового регулирования цифрового сельского хозяйства. Рассматриваются существующие в данной сфере проблемы и предлагаются пути их решения для повышения конкурентоспособности российского агропромышленного комплекса – от корректировки документов стратегического планирования, внесения изменений в федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» и гражданское законодательство до разработки новых экологических и технических нормативов и стандартов.

Ключевые слова: сельское хозяйство; цифровизация; цифровое сельское хозяйство.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Digital agriculture of Russia: directions for improving legal regulation

N. P. VORONINA – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Psychology and Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article is devoted to the analysis of the current state of legal regulation of digital agriculture. The problems existing in this area are examined and ways to solve them are proposed to increase the competitiveness of the Russian agro-industrial complex – from updating strategic planning documents, amending the federal law “On the Development of Agriculture” and civil legislation to developing new environmental and technical norms and standards.

Key words: agriculture; digitalization; digital agriculture.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law.

По экспертным оценкам, Россия по степени цифровизации сельского хозяйства занимает 15 место в мире. Вместе с тем цифровизация агропромышленного комплекса имеет приоритетное значение, так как от уровня развития сельского хозяйства зависит продовольственная безопасность государства¹.

Анализ правового регулирования цифровизации сельского хозяйства позволяет

сделать вывод, что оно не отражает особенности сельского хозяйства и не позволяет обеспечить соответствующий процесс².

Одна из современных целей реализации государственной аграрной политики – повышение конкурентоспособности данной отрасли. Цифровизация позволяет увеличить производство сельскохозяйственной продукции, как направляемой на экспорт, так и обеспечивающей национальные инте-

рессы государства в сфере продовольственной безопасности.

В Доктрине продовольственной безопасности до 2030 г. предусматривается, что национальными интересами являются повышение качества жизни российских граждан за счет достаточного продовольственного обеспечения, снабжение населения качественной и безопасной пищевой продукцией, устойчивое развитие и модернизация сельского и рыбного хозяйства и инфраструктуры внутреннего рынка, создание высокопроизводительного сектора, развивающегося на основе современных технологий. Поэтому в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия отмечена необходимость принятия ведомственной программы «Цифровое сельское хозяйство».

Такие программы уже действуют в ряде зарубежных стран. Так, в Казахстане в 2017 г. была принята программа «Цифровой Казахстан». Ее цель – применение наилучших доступных инструментов цифровизации бизнес-процессов, обеспечивающих повышение производительности труда и экспорта переработанной продукции агропромышленного комплекса³.

В настоящее время в России осуществляется ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»⁴. Результат его реализации – построение цифрового сельского хозяйства, основанного на современных способах производства сельскохозяйственной продукции с использованием цифровых технологий, позволяющих обеспечить рост производительности труда и снижение затрат производства. Это требует создания и развития национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство», модуля «Агрорешения», отраслевой электронной образовательной среды «Земля знаний».

В базовом законе, направленном на развитие сельского хозяйства, – Федеральном законе от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» – цифровизация не предусматривается среди целей, задач, направлений государственной аграрной политики. Это полисистемное опосредованное правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства: через государственную поддержку отдельных отраслей сельского хозяйства (растениеводства, животноводства и др.) и устойчивого развития сельских территорий. Но, на наш взгляд, уже

сложилась объективная потребность во внесении изменений в данный федеральный закон, предусматривающих цифровизацию сельского хозяйства в качестве направления государственной аграрной политики⁵.

Цифровизация сельского хозяйства возможна по ряду направлений.

Прежде всего это цифровое земледелие. Оно включает в себя определение границ сельскохозяйственных угодий с использованием спутниковых систем навигации, дифференцированное внесение удобрений, составление цифровых карт и планирование урожайности, мониторинг посевов, отбор проб почвы в системе координат, дистанционное зондирование, применение беспилотной сельскохозяйственной техники и т. д. Развитие цифрового земледелия позволило отдельным зарубежным странам (ФРГ, Франция, Великобритания) повысить среднюю урожайность зерновых до 7–8 т/га. Также отмечается возможность увеличения производительности сельского хозяйства в мире на 70 % к 2050 г.⁶

Построение модели цифрового земледелия включает в себя такие мероприятия, как сбор, актуализация и хранение данных; мониторинг состояния; многоцелевая оценка пригодности; моделирование потенциальной урожайности, ее прогнозирование и планирование; размещение сельхозугодий; распределение производительных сил; проектирование ландшафтных систем земледелия, агротехнологий, программ обустройства села, кадастровой оценки и т. д.⁷

Но внедрение цифровых технологий в земледелии осложняется отсутствием стратегического планирования в области управления земельными ресурсами, а также надлежащей инвентаризации земель, в частности земель сельскохозяйственного назначения. Поэтому необходим документ стратегического планирования в сфере управления земельными ресурсами.

Важную роль во внедрении цифровых технологий в отдельные виды сельскохозяйственной деятельности (растениеводство, животноводство, рыболовство и т. д.) имеют информационные ресурсы, банки знаний и технологий. Поэтому направлениями цифровизации должны быть обеспечение прослеживаемости сельскохозяйственной продукции, стимулирование обеспечения доступа к цифровым открытым платформам, внедрение торговых онлайн-платформ и систем для продвижения сельскохозяйственной продукции⁸, проведение торгов в электронной форме, создание порталов

по предоставлению земельных участков из государственной и муниципальной собственности.

Основная нагрузка, в том числе и финансовая, по внедрению цифровых технологий возложена на производителей сельскохозяйственной продукции. Однако эта деятельность требует государственной поддержки. Ее предоставление обуславливает необходимость создания в цифровом формате единой модели отраслевых данных в агропромышленном комплексе по оказанию государственной помощи. Но действующее законодательство не предусматривает конкретных мер государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, внедряющих цифровые технологии. Полагаем, что соответствующие изменения должны быть внесены в федеральный закон «О развитии сельского хозяйства».

Цифровизация сельского хозяйства имеет свои особенности, обусловленные климатическими рисками, сезонным характером деятельности, биологическими процессами животных и растений. Значительная часть рисков также связана с вопросами юридической ответственности за вред, причиненный беспривязным выпасом сельскохозяйственных животных, беспилотной техникой, робототехникой и др.⁹ Это требует внесения соответствующих изменений в ГК РФ.

По нашему мнению, правовое регулирование в сфере цифровизации сельского хозяйства должно совершенствоваться с учетом требований ФАО ООН, сформулированных на ее 31 сессии региональной конференции (16–18 мая 2018 г.), согласно которой цифровизация сельского хозяйства признается инструментом, позволяющим смягчить последствия изменения климата и адаптировать сельское хозяйство к ним.

Составной частью правового регулирования цифрового сельского хозяйства должно являться цифровое развитие сельских территорий.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.11.2010 № 2136-р, предусматривается формирование цифровой среды путем полного охвата радио- и телевизионным вещанием, обеспечения услугами электросвязи и почтовой связи всех жителей, включая объекты социальной сферы, обеспечения доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и предоставления государственных услуг сельскому населению в электронном виде. Однако не все документы целеполагания в сфере устойчивого развития сельских территорий непосредственно предусматривают применение цифровых технологий. Так, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 02.02.2015 № 151-р, такое регулирование отсутствует.

Таким образом, правовое регулирование цифровизации сельского хозяйства нуждается в следующих изменениях: корректировке документов стратегического планирования в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий в части определения цифровизации как направления государственной аграрной политики; приведении аграрных политико-правовых актов в соответствие с документами стратегического планирования, направленных на цифровизацию российской экономики; внесении изменений в федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» в части государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, внедряющих цифровые технологии; внесении изменений в гражданское законодательство; определении новых экологических и технических нормативов и стандартов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Попова О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // Аграр. и земель. право. 2018. № 9. С. 96.

² См.: Воронина Н. П. Аграрное право: современные тренды // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1. С. 333.

³ См.: Задворнева Е. П. Цифровизация сельского хозяйства Казахстана как вектор инновационного развития инфраструктуры отрасли // Региональные проблемы преобразования экономики: интеграционные процессы и механизмы формирования и социально-экономическая политика региона : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 349.

⁴ См.: Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». Махачкала, 2019.

⁵ См.: Voronina N. P., Shnorr Zh. P. Digitalization of agriculture: problems of legal support // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. LXXVI. Future Academy, 2019. P. 950.

⁶ См.: Кирюшин В. И., Иванов А. Л., Козубенко И. С., Савин И. Ю. Цифровое земледелие // Вестн. Рос. сельскохозяйств. науки. 2018. № 5. С. 5.

⁷ См.: Иванов А. Л. Научно-технологическое развитие землепользования с использованием цифровых технологий в земледелии // Там же. 2019. № 5. С. 523.

⁸ См.: Юрина Н. Н. Направления цифровизации сельского хозяйства России // Вестн. ин-та экономики и управления НовГУ. 2018. № 2. С. 95.

⁹ См.: Попова О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // Аграр. и земел. право. 2018. № 9. С. 97.

¹ См.: Попова О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // Аграр. и земел. право. 2018. № 9. С. 96.

² См.: Voronina N. P. Agrarnoe pravo: sovremennye trendy // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2020. № 1. С. 333.

³ См.: Zadvorneva E. P. Cifrovizaciya sel'skogo hozyajstva Kazahstana kak vektor innovacionnogo razvitiya infrastruktury otrasli // Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki: integracionnye processy i mekhanizmy formirovaniya i social'no-ekonomicheskaya politika regiona : materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2018. S. 349.

⁴ См.: Vedomstvennyj proekt «Cifrovoe sel'skoe hozyajstvo». Mahachkala, 2019.

⁵ См.: Voronina N. P., Shnorr Zh. P. Digitalization of agriculture: problems of legal support // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Vol. LXXVI. Future Academy, 2019. P. 950.

⁶ См.: Kiryushin V. I., Ivanov A. L., Kozubenko I. S., Savin I. YU. Cifrovoe zemledelie // Vestn. Ros. sel'skohozyajstv. nauki. 2018. № 5. С. 5.

⁷ См.: Ivanov A. L. Nauchno-tehnologicheskoe razvitie zemlepol'zovaniya s ispol'zovaniem cifrovyyh tekhnologij v zemledelii // Tam zhe. 2019. № 5. С. 523.

⁸ См.: YUrina N. N. Napravleniya cifrovizacii sel'skogo hozyajstva Rossii // Vestn. in-ta ekonomiki i upravleniya NovGU. 2018. № 2. С. 95.

⁹ См.: Попова О. В. Проблемы правового регулирования цифровизации в агропромышленном комплексе // Аграр. и земел. право. 2018. № 9. С. 97.

Особенности исполнения договора аренды имущества для государственных нужд уголовно-исполнительной системы

Е. В. ШОРГИНА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

В основе анализа лежит отнесение договора аренды к обязательственным правоотношениям. Автор отмечает специфику арендного обязательства при заключении контракта посредством проведения закупочных процедур. В статье раскрываются порядок и особенности исполнения договора аренды имущества, где субъектами являются учреждения уголовно-исполнительной системы. Сделан вывод о необходимости разработки типового контракта и сопутствующих ему документов для оформления надлежащего исполнения договора аренды.

Ключевые слова: аренда имущества; исполнение обязательств; уголовно-исполнительная система; государственный контракт.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Features of execution the lease of property for state needs of the penal system

E. V. SHORGINA – Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

The analysis is based on the assignment of a lease to a binding relationship. The author notes the specifics of the lease obligation when concluding the contract through the procurement procedures. The article reveals the procedure and features of the execution of a property lease agreement, where the subjects are institutions of the penal system. It is concluded that it is necessary to develop a model contract and related documents for documenting the proper execution of a lease.

Key words: property rental; execution of obligations; penal system; government contract.

12.00.03 – Civil law; business law; family law; international private law.

Отличительной чертой государственного контракта аренды имущества для нужд уголовно-исполнительной системы является то, что учреждение может выступать как на стороне арендатора, так и на стороне арендодателя, а значит, может быть как исполнителем, так и заказчиком и требовать исполнения контракта аренды от другого контрагента. Поскольку договор аренды заключается с учетом норм Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспе-

чения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – закон № 44-ФЗ) посредством проведения закупки, то и исполняться он будет в соответствии со специальными нормами указанного закона, а также нормами гражданского законодательства.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 3 закона № 44-ФЗ закупка может начинаться с определения поставщика (подрядчика, исполнителя), в некоторых случаях – с заключения контракта, но завершаться она должна всегда исполнением обязательств сторонами контракта. Цель заключения контракта, как

и любого договора, состоит в его исполнении.

В научной литературе, посвященной правовой природе договора аренды, ученые-юристы нередко высказывают мнение об отнесении его к вещному праву, объясняя это тем, что ему присущи вещные признаки, такие как следование за вещью (п. 1 ст. 617 ГК РФ) или правомочие пользования, вещно-правовая защита владения арендатора (ст. 305 ГК РФ). Однако большинство цивилистов считают его обязательством.

Так, Г. Ф. Шершеневич писал, что «в громадном большинстве случаев договор направлен к установлению обязательственного отношения, так что договор и обязательство чаще всего находятся в связи как причина и следствие»².

Е. А. Суханов верно отмечает, что «права арендатора, конечно, носят обязательственно-правовой, а не вещный характер. Они всегда возникают в силу договора с собственником имущества, и их содержание определяется условиями конкретного арендного договора, для вещных прав такое положение невозможно»³.

Е. Г. Семенова утверждает, что «отношения, возникающие на основании договора аренды (найма), являются, прежде всего, обязательственными – они связывают определенными обязанностями только две стороны. Указанные отношения могут возникать только на основании договора и при наличии факта достижения согласия по всем существенным условиям»⁴.

В свою очередь Е. С. Брылякова, К. В. Косарев говорят о смешанности вещного и обязательственного права в договоре в целом, отмечая, что это «сложное многогранное понятие, одной из граней которого является то, что договор порождает обязательство»⁵.

Контракт на аренду имущества является обязательством, причем специфическим в части как правового регулирования, так и субъектного состава. Так, согласно п. 3 ч. 1 ст. 3 закона № 44-ФЗ закупка – это совокупность действий, направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд, включающая в себя в том числе и заключение контракта, который согласно правилам цивилистической науки порождает обязательство. Так как договор аренды имущества для государственных нужд относится к обязательственному праву, нормы об исполнении обязательств применимы и в данном случае.

Договор аренды имущества заключается для того, чтобы быть исполненным в соответствии с основными началами гражданского законодательства добросовестно.

Под исполнением обязательства понимается совершение должником определенных действий (либо воздержание от действий), обусловленных содержанием обязательства (ст. 309 ГК РФ). При договоре аренды это действия одной стороны, арендодателя, по передаче имущества другой стороне, арендатору, во временное владение и пользование, причем действие это возмездное, то есть предусматривается встречное предоставление (обязательство) по уплате арендной платы за используемое имущество. Как и в большинстве обязательственных договоров, в арендном контракте одновременно обе стороны являются и кредитором, и должником.

Несмотря на многообразие действий, совершаемых должником в различных обязательствах, их осуществление подчиняется общим правилам. Статья 309 ГК РФ формулирует одно из них – принцип надлежащего исполнения. Обязательство, а соответственно и договор, будет считаться исполненным, если оно исполнено надлежаще, то есть если соблюдены все условия и требования, предъявляемые к предмету, субъектам, сроку, месту, а также к способу исполнения.

Итак, обязательство должно быть исполнено надлежащему лицу (ст. 312 ГК РФ). В отношении договора аренды имущества для государственных нужд им является государственный заказчик, принимающий имущество в пользование. Заключаться такой договор будет с лицом, выигравшим торги, если закупка проводится с помощью конкурентных процедур, либо с единственным поставщиком в установленных законом случаях. Здесь следует обратить внимание, что в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 93 закона № 44-ФЗ учреждения и предприятия уголовно-исполнительной системы имеют право заключать контракты с единственным поставщиком, если объектом закупки будут товары, работы, услуги из перечня, утвержденного Правительством Российской Федерации⁶.

Федеральная антимонопольная служба России разъяснила, что к исполнению государственных контрактов, которые были заключены с учреждениями либо предприятиями ФСИН России, выступающими в качестве единственных поставщиков, нельзя

привлекать третьих лиц. Производить товары, оказывать услуги либо выполнять работы обязан непосредственно контрагент, то есть учреждение или предприятие уголовно-исполнительной системы. Нарушение этого условия может быть расценено как ограничение конкуренции⁷. Аренда упоминается в указанном перечне всего один раз и занимает позицию 43.99.90.160 «Аренда кранов и прочего строительного оборудования, которое не предназначено для одной конкретной строительной услуги, с оператором». Исходя из анализа информации, представленной в Единой информационной системе в сфере закупок⁸ (далее – ЕИС), на сегодняшний день ни одного контракта при участии учреждений и предприятий уголовно-исполнительной системы с указанной позицией не заключено, поэтому проследить такое исполнение пока невозможно.

Общий комплекс мер, входящий в исполнение контракта, содержится в ч. 1 ст. 94 закона № 44-ФЗ. В случае аренды это обязательная приемка передаваемого имущества, включая проведение экспертизы соответствия условий контракта по отношению к предоставленным исполнителем результатам, причем проводиться она должна до приемки имущества.

Экспертиза может быть осуществлена заказчиком как своими силами, так и с привлечением экспертов. Исключений, по которым экспертиза могла бы не проводиться, в законе № 44-ФЗ не указано, поэтому независимо от предмета контракта, его цены и основания заключения экспертиза контракта должна выполняться, включая и договор аренды имущества. При этом порядок экспертизы в законе не определен, поэтому в ряде случаев она носит формальный характер и состоит в документальном подтверждении факта ее проведения.

Кроме того, в законе отсутствуют требования к документу, подтверждающему проведение заказчиком экспертизы своими силами. Как правило, либо ставится подпись на документе приемки лица, уполномоченного заказчиком на проведение экспертизы, либо составляется экспертное заключение в виде отдельного документа этим же лицом. В письме Минфина России от 26.10.2017 № 24-03-08/70501 «О документальном подтверждении экспертизы, проведенной силами заказчика при приемке товаров (работ, услуг)» отмечается, что документом, подтверждающим проведение экспертизы силами сотрудников заказчика, является оформленный и подписанный заказчиком

документ о приемке товара, работы, услуги. Опять же говорится об абстрактном документе, не имеющем ни формы, ни содержания, то есть эти вопросы отданы на откуп заказчику, что является не совсем удобным в практике применения. Целесообразно, чтобы это был отдельный документ – экспертное заключение, содержащее в себе следующие необходимые позиции относительно аренды имущества: наименование заказчика и исполнителя; состав экспертной комиссии; основная часть (факты, установленные в ходе экспертизы и отражающие требования, заявленные в извещении, обязательное описание характеристик передаваемого в аренду имущества, как движимого, так и недвижимого).

Следует отметить, что случаи проведения обязательной внешней экспертизы с привлечением экспертов или экспертных организаций вправе определять Правительство Российской Федерации (ч. 4.1 ст. 94 закона № 44-ФЗ), но в настоящее время такой нормативный правовой акт отсутствует.

Приемка передаваемого в аренду имущества, как правило, осуществляется единоразово, однако может совершаться и поэтапно, соответственно, и приемка исполнения контракта будет происходить отдельными стадиями, что будет являться надлежащим способом исполнения контракта. После заключения контракт должен исполняться в соответствии с прописанными в нем условиями, изменения условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных ст. 34 и 95 закона № 44-ФЗ.

Еще одной стадией исполнения контракта, указанной в ч. 1 ст. 94 закона № 44-ФЗ, является оплата заказчиком арендной платы за временное пользование имуществом, установленной контрактом. В данном случае это обязательство арендатора, которое тоже должно быть исполнено.

В п. 3 ч. 1 ст. 94 закона № 44-ФЗ указано, что одной из мер исполнения контракта является взаимодействие заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем) при изменении, расторжении контракта в соответствии со ст. 95 закона № 44-ФЗ, применении мер ответственности и совершении иных действий в случае нарушения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) или заказчиком условий контракта. Данный пункт будет применяться, если контракт надлежащим образом не исполнен полностью или частично.

Возможны ситуации, когда закупка услуги по аренде производится посредством

проведения конкурентных процедур. Государственный заказчик знакомится с имуществом на бумаге, то есть фактически проверить, соответствует ли техника или недвижимое имущество заданным характеристикам, он сможет только при непосредственной передаче этого имущества. В этом случае, если на начальном этапе исполнения договора аренды (при приемке) выясняется, что переданное имущество не соответствует требованиям, предусмотренным контрактом, приемке оно не подлежит и считается непринятым. При этом арендатор составляет мотивированный отказ от приемки и подписания акта приема-передачи, который направляет арендодателю в течение пяти рабочих дней с момента выявления несоответствия требованиям законодательства и условиям контракта. Арендодатель в целях сохранения правоотношения должен устранить своими силами недостатки, иначе контракт будет расторгнут. Причем такого победителя торгов нельзя признать уклонившимся от заключения контракта на основании ч. 13 ст. 83.2 закона № 44-ФЗ, и заказчик не может заключить контракт с участником, заявке которого присвоен второй номер. В данном случае исполнение контракта не прекращается, а будет применяться одна из мер, упомянутых в п. 3 ч. 1 ст. 94 закона № 44-ФЗ. Также здесь вступают в силу положения о расторжении контракта, общие нормы о гражданско-правовой ответственности, и возникает угроза для исполнителя попасть в реестр недобросовестных поставщиков.

Отказ заказчика от заключения контракта в любой момент до его подписания возможен, о чем говорится в ст. 31 закона № 44-ФЗ. В отношении аренды государственного или муниципального имущества случаи отказа от заключения контракта конкретизируются в приказе ФАС России от 10.02.2010 № 67 «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса» и входят в обязанность организатора конкурса. Обратим внимание, что случаи, предусмотренные в п. 52 и 93 указанного приказа, применяются в случаях, когда предметом

закупки аренды будет государственное или муниципальное имущество.

В соответствии со ст. 34 закона № 44-ФЗ в условия контракта обязательно включаются такие положения, как порядок и сроки осуществления заказчиком приемки передаваемого имущества и оформления ее результатов, порядок и срок оплаты арендной платы.

Надлежащий предмет – это действие, которое должник обязан совершить в пользу кредитора, в нашем случае – передача имущества во временное владение и пользование или во временное пользование.

Как отмечают А. Ю. Федорова и М. В. Бетина, специфика предмета вида госконтракта обуславливает особый состав его участников, структуру договорных связей, порядок заключения и исполнения⁹.

Надлежащее место исполнения определяется в соответствии со ст. 316 ГК РФ. Если передается движимое имущество (например, сельскохозяйственная техника, оборудование, а именно эти вещи чаще всего становятся объектом закупки учреждениями и предприятиями уголовно-исполнительной системы), изначально в проекте контракта указывается, кто из сторон эту технику перемещает. Как правило, в обязанность арендодателя входит своими силами доставить движимое имущество к месту исполнения контракта. Если предметом договора является недвижимое имущество (например, земельный участок, здание, сооружение), то исполнение контракта будет происходить по месту нахождения этого имущества.

Надлежащим сроком исполнения будет тот день или срок, который установлен соглашением сторон (п. 1 ст. 314 ГК РФ). Однако здесь также учитываются нормы закона № 44-ФЗ, связанные с соблюдением закупочных процедур и сроков, установленных в нем. Договор аренды по своей юридической природе носит консенсуальный характер, поэтому считается заключенным с момента достижения соглашения по всем существенным условиям. В отношении контракта на аренду, если торги проводились конкурентной процедурой, например путем конкурса или аукциона, то контракт заключается с победителем конкурентной процедуры, а в случаях, предусмотренных законом № 44-ФЗ, с иным участником этой процедуры, заявка которого на участие в этой процедуре признана соответствующей требованиям, установленным документацией и (или) извещением о закупке. В течение пяти дней с даты размещения в ЕИС протокола

подведения итогов торгов заказчик размещает проект контракта, который также в течение пяти дней должен подписать победитель электронной процедуры либо разместить протокол разногласий.

В контракте аренды устанавливается срок передачи имущества. Как правило, он составляет три дня с момента заключения контракта, тогда же происходит приемка имущества. После заключения контракта сторонами начинается его исполнение. Следует отметить, что заключенным контракт будет считаться не в момент подписания его сторонами, а по факту размещения в ЕИС, в соответствии с ч. 8 ст. 83.2 закона № 44-ФЗ.

В свою очередь, моментом исполнения обязательств арендодателем по передаче имущества считается дата подписания арендатором без замечаний акта приема-передачи по факту приемки. Здесь очень важным моментом заключения и исполнения контракта является оформление документов. Устная форма договора в закупочных отношениях неприемлема, поэтому стороны тщательнейшим образом подходят к оформлению как самого договора, так и его частей, передаточного акта или акта приема-передачи. Поскольку договор аренды представляет собой временное обязательство, после прекращения действия договора, его исполнения обеими сторонами подписывается акт возврата имущества. Финансовыми документами, подтверждающими исполнение договора аренды арендаторами, являются счета-фактуры, по которым проводятся платежи по арендной плате в порядке, определенном контрактом. Все указанные документы разработаны и применяются многими учреждениями и предприятиями ФСИН России в своей договорной работе, так как именно заказчику принадлежит обязанность размещать отчеты в ЕИС по результатам стадий исполнения контракта, но все-таки единообразия в этих формах нет.

Следует отметить роль контрактной службы заказчика при обеспечении исполнения положений контрактов, специалисты которой сопровождают закупку от анализа и экспертизы проектов документов по исполнению контрактов до защиты интересов заказчика в суде. В дополнение всех ук-

занных функций заказчик вправе возложить проведение экспертизы на приемочную комиссию, входящую в состав контрактной службы, что и происходит на практике в учреждениях уголовно-исполнительной системы в соответствии с письмом Минфина России от 27.10.2017 № 24-03-07/71512 «О проведении экспертизы результатов, предусмотренных контрактом, силами заказчика».

Необходимо подчеркнуть, что в библиотеке типовых контрактов контракт на аренду имущества пока не сформирован, поэтому контрактной службе заказчика целесообразно обращать особое внимание на принципы составления и обязательные условия контракта, призванные решить две основные задачи: нивелирование риска, связанного с заключением контракта, и повышение степени управляемости контрактом. Профессор Н. В. Кандыбко отмечает, что этапом, завершающим процесс управления исполнением контрактов, должен стать анализ хода их исполнения в целях изучения возникающих при реализации контрактов проблем для их учета при выполнении аналогичных контрактов в будущем¹⁰.

Таким образом, исполнение договора аренды арендодателем – это передача имущества. Независимо от закупочной терминологии договор аренды является двустороннеобязывающим: у арендодателя – передать имущество, а у арендатора – оплатить время владения и пользования этим имуществом. Контракт аренды будет считаться исполненным, когда обе стороны выполнили свои обязательства, предусмотренные контрактом, надлежащим образом. Чтобы механизм и порядок исполнения контракта на аренду были действенными, необходимо разработать типовой контракт на аренду имущества с сопутствующими приложениями, такими как акт приема-передачи, акт возврата имущества, а также порядок проведения экспертизы заказчиком своими силами и образец экспертного заключения с квалификационными признаками передаваемого в аренду имущества. Все это способствует упрощению практики применения арендных правоотношений в уголовно-исполнительной системе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рос. газ. 2013. 12 апр.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.) / вступ. ст. Е. А. Суханов. М., 1995. С. 305.

³ Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 319.

⁴ Семенова Е. Г. О соотношении вещных и обязательственных прав в сделках с недвижимостью // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 2 (32). С. 118.

⁵ Брылякова Е. С., Косарев К. В. Классификация способов обеспечения исполнения контракта для государственных нужд на примере учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестн. Кузбасс. ин-та. 2016. № 2 (27). С. 150.

⁶ См.: Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) : постановление Правительства Рос. Федерации от 26.12.2013 № 1292 (ред. от 27.06.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: По вопросу о заключении контракта с учреждением уголовно-исполнительной системы как с единственным поставщиком : письмо Федер. антимонопольной службы от 14.11.2019 № ИА/100040/19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 08.06.2020).

⁹ См.: Федорова А. Ю., Бетина М. Использование информационных технологий при заключении и исполнении государственных контрактов // Эффективность государственных расходов на современном этапе развития : сб. студен. круглого стола (Тамбов, 2015). С. 93–99. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23312668> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁰ См.: Кандыбко Н. В. Организационно-методические аспекты управления исполнением государственных контрактов. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹ См.: Ros. gaz. 2013. 12 apr.

² Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.) / vstup. st. E. A. Suhanov. M., 1995. S. 305.

³ Mattei U., Suhanov E. A. Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti. M., 1999. S. 319.

⁴ Semenova E. G. O sootnoshenii veshchnyh i obyazatel'stvennyh prav v sdelkah s nedvizhimost'yu // Vestn. Krasnodar. un-ta MVD Rossii. 2016. № 2 (32). S. 118.

⁵ Brylyakova E. S., Kosarev K. V. Klassifikatsiya sposobov obespecheniya ispolneniya kontrakta dlya gosudarstvennyh nuzhd na primere uchrezhdeniy ugovovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestn. Kuzbass. in-ta. 2016. № 2 (27). S. 150.

⁶ См.: Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) учреждениями и предприятиями уголовно-исполнительной системы, закупка которых может осуществляться заказчиком у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) : постановление Правительства Рос. Федерации от 26.12.2013 № 1292 (ред. от 27.06.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: По вопросу о заключении контракта с учреждением уголовно-исполнительной системы как с единственным поставщиком : письмо Федер. антимонопольной службы от 14.11.2019 № ИА/100040/19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ См.: URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 08.06.2020).

⁹ См.: Федорова А. Ю., Бетина М. Использование информационных технологий при заключении и исполнении государственных контрактов // Эффективность государственных расходов на современном этапе развития : сб. студен. круглого стола (Тамбов, 2015). С. 93–99. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23312668> (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁰ См.: Кандыбко Н. В. Организационно-методические аспекты управления исполнением государственных контрактов. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

УДК 343.98

Когда результаты оперативно-розыскного мероприятия «опрос» могут быть доказательствами по уголовному делу

О. С. КУЧИН – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, академик Российской академии естествознания, доцент, заслуженный деятель науки и техники Российской академии естествознания

Осуществлять работу с преступниками в рамках оперативно-розыскной деятельности намного проще и интереснее, так как фигурант разработки при профессиональной ее организации не знает или не догадывается о проведении в отношении него того или иного оперативно-розыскного мероприятия и действует свободно, раскрывая при этом свои криминальные связи и демонстрируя оперативному сотруднику свою криминальную активность и осведомленность. Важно уметь это зафиксировать и реализовать в уголовном деле. Статья посвящена исследованию такого оперативно-розыскного мероприятия, как опрос. Автор приходит к выводу, что опрос при его надлежащем проведении впоследствии может стать доказательством по уголовному делу и использоваться в установлении всех обстоятельств совершенного преступления.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; опрос; оперативно-розыскная деятельность; преступление; оперативный сотрудник; следователь; криминальная активность.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

When the results of the operational-search measure “questioning” may be evidence in a criminal case

O. S. KUCHIN – Professor of the Department of Criminology of the Law Faculty of the Moscow M. V. Lomonosov State University, Dsc. in Law, Academician of the Russian Academy of Natural History, Associate Professor, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Academy of Natural History

It is much simpler and more interesting to work with criminals in the framework of operational-search activity, since the person involved in the development, with the correct and professional organization of it, does not know or is unaware of the conduct of an operational-search action against him and acts freely, while disclosing their criminal connections and demonstrating to the operational employee their criminal activity and awareness. It is important to be able to fix this and implement it in a criminal case. The article is devoted to the study of such operational-search measures as a questioning. The author concludes that a questioning, if properly and professionally conducted, can subsequently become evidence in a criminal case and be used to establish all circumstances of the crime.

Key words: operational-search measures; questioning; operational-search activity; the crime; operational officer; investigator; criminal activity.

12.00.12 – Forensics; forensic activities; operational investigative activities.

Современная оперативно-розыскная деятельность является особым видом юридической правоохранительной деятельности и осуществляется для борьбы с уголовной преступностью, обеспечения правопорядка специально образованными государствен-

ными органами, их службами и исключительно уполномоченными на то должностными лицами. Ее главным назначением является эффективная защита с помощью проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) охраняемых законом прав и интересов государства, общественных организаций и граждан. Это исходные, концептуальные положения, определяющие государственный характер данной деятельности и ее место в системе государственных мер борьбы с преступностью. В настоящее время оперативно-розыскная деятельность регулируется не только федеральным законодательством, но и открытыми ведомственными нормативными актами.

Борьба с уголовной преступностью в современных условиях осуществляется в сложной криминогенной обстановке, связанной с усилением роли организованной и профессиональной преступности, с расширением коррупционного прикрытия при совершении преступлений в сфере экономики. В сложившейся ситуации совершенствование специальных методик выявления и раскрытия преступлений только гласными методами практически исключается, в связи с чем оперативно-розыскная деятельность приобретает особое значение. Ее роль не может быть реализована должным образом, если специалистами не будут разрабатываться способы легализации результатов проводимых оперативными сотрудниками мероприятий, которые в дальнейшем, после возбуждения уголовного дела, будут использоваться в качестве процессуальных доказательств и способствовать успешному расследованию преступлений.

Использование оперативно-розыскных мероприятий только в качестве информационного обеспечения расследования уголовного дела будет слишком дорого обходиться государству и обществу. Существующая практика, отговорки некоторых оперативных подразделений, что «мы все знаем, но доказать сейчас ничего не можем», «мы занимаемся накоплением информации» и т. п., высказывания ряда руководителей в средствах массовой информации или в частных беседах позволяют сделать только один вывод: или не могут, или не хотят реализовывать получаемую оперативную информацию, превращать ее в стопроцентное доказательство преступной деятельности фигурантов оперативных разработок. Работать с преступниками и их покровителями в рамках оперативно-розыскной деятельности намного проще и интереснее, поскольку

ку фигурант разработки при ее правильной и профессиональной организации не знает или не догадывается о проведении в отношении него того или иного оперативного мероприятия и действует свободно, не прикрываясь помощью адвокатов, правозащитников, коррумпированных чиновников, а наоборот, раскрывает свои криминальные связи и демонстрирует оперативному сотруднику свою криминальную активность и осведомленность.

Перечень оперативно-розыскных мероприятий содержится в ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ № 144-ФЗ). Самым первым указан опрос. При этом следует отметить, что в редакции вышеуказанного закона 1999 г. рассматриваемое мероприятие именовалось иначе – опрос граждан. И вот возникает вопрос: законодатель считает, что опрашивать можно не только граждан, но и кого-то другого, опрос можно проводить в отношении каких-то «неграждан»? Если здесь подразумеваются просто люди, то ничего страшного в этом нет, хотя с точки зрения русского языка следовало бы указать «опрос лиц», так как, по нашему мнению, опрашивать можно только лиц (человека, гражданина, апатрида, иностранца) или людей и никого другого больше.

В теории оперативно-розыскной деятельности под опросом понимается специальная беседа, проводимая с разной категорией лиц, которым могут быть известны сведения (информация), необходимые для решения конкретных задач оперативно-розыскной деятельности. Фактически опрос носит разведывательный характер и его основная задача состоит в том, чтобы получить от лица предварительную информацию для дальнейшего решения вопроса о его допросе в качестве уже процессуального источника по уголовному делу.

В опросе принимают участие две стороны: 1) опрашивающий – штатный оперативный сотрудник субъекта оперативно-розыскной деятельности или иное лицо, действующее по его поручению или под его контролем; 2) опрашиваемый – лицо (гражданин, лицо без гражданства, иностранец), которое подвергается опросу.

Главной задачей опрашивающего является получение в ходе проведения опроса от опрашиваемого лица интересующей оперативного сотрудника информации, которой, по его мнению, обладает фигурант опроса.

В качестве опрашивающего лица могут выступать:

1. Штатные оперативные сотрудники субъектов оперативно-розыскной деятельности, предусмотренные ст. 13 «Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность» ФЗ № 144-ФЗ.

2. Иные (не оперативные) сотрудники или неаттестованные работники (гражданский персонал) правоохранительных органов или спецслужб, указанные в ст. 13 ФЗ № 144-ФЗ.

3. Внештатные сотрудники правоохранительных органов или спецслужб, которые перечислены в ст. 13 ФЗ № 144-ФЗ в качестве субъектов оперативно-розыскной деятельности.

4. Лица, оказывающие конфиденциальную помощь субъектам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на основании ФЗ № 144-ФЗ и в соответствии с положениями ст. 15 и гл. IV ФЗ № 144-ФЗ (агентурный аппарат).

5. Лица, оказывающие разовую помощь субъектам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на основании ФЗ № 144-ФЗ (оперативный контакт или доверенные лица) и в соответствии с положениями ст. 15 ФЗ № 144-ФЗ.

Опрос может проводиться как самим оперативным сотрудником, так и третьим лицом по его поручению.

Тактика опроса носит закрытый характер и в открытой научной литературе должна быть запрещена к разглашению, так как может помочь преступникам в дальнейшем увидеть в поведении лица признаки легендарной беседы, что недопустимо.

В науке оперативно-розыскной деятельности опрос подразделяется на три основных вида:

1. Гласный (официальный) опрос. Может проводиться оперативным сотрудником как оперативно-розыскное мероприятие, а также в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ осуществляться как проверочное мероприятие по получению объяснения, то есть записанного оперативным сотрудником показания лица на бумажном носителе.

2. Зашифрованный опрос. Проводится в случае, когда от фигуранта скрывается цель опроса или зашифровывается личность опрашивающего лица (сотрудника) или иного лица, действующего по поручению. Результат зашифрованного опроса оформляется справкой, рапортом оперативного сотрудника, а также объяснением, в котором в качестве опрашивающего фигурирует зашифрованное для фигуранта лицо.

3. Негласный опрос. Используется, когда процедура опроса скрыта от опрашиваемого лица и ему неизвестно о проведении в отношении его данного оперативного действия. Такой опрос оформляется рапортом, справкой или сообщением, полученным от конфиденанта.

Следует отметить, что результатом любого вида опроса может быть и запись разговора, сделанная на цифровом носителе с помощью диктофона, смартфона, телефона, цифровой видеокамеры, радиомикрофона, совмещенного с принимающим цифровым записывающим устройством, или же с помощью иной спецтехники, которая входит в арсенал оперативных служб.

Вместе с тем результаты оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 11 ФЗ № 144-ФЗ могут в дальнейшем использоваться в доказывании по уголовным делам согласно положениям уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующим собирание, проверку и оценку доказательств. Но здесь имеются некоторые особенности. Результат оперативно-розыскного мероприятия, в том числе и опроса, чтобы в дальнейшем стать процессуальным доказательством, должен обязательно соответствовать следующим требованиям:

1. Он должен быть зафиксирован с помощью объективных средств фиксации, то есть должна быть произведена видео-, аудиозапись процедуры опроса.

2. Опрашиваемый не должен знать, что в отношении его ведется такое оперативно-розыскное мероприятие, как опрос. Иными словами, его поведение не должно быть связанным с фактом его разработки или проверки, он должен находиться в естественной для себя обстановке и сообщать информацию вне связи с ситуацией, подконтрольной оперативному сотруднику, то есть опрос должен быть проведен только негласно или зашифрованно.

3. В ходе рассекречивания материалов и результата опроса оперативный сотрудник обязан рассекретить личность опрашивающего лица либо решить вопрос о предоставлении этой личности следователю или в суд под псевдонимом, а также обеспечить его безопасность.

Как показывает изучение практики использования в доказывании по уголовным делам реализованных и рассекреченных результатов оперативно-розыскной деятельности, и в частности результатов опроса, все объяснения, полученные оперативным

сотрудником легально от фигуранта, в дальнейшем как доказательство не принимаются и служат только как ориентирующая информация. Это связано с тем, что согласно ст. 89 УПК РФ в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, указанным в УПК РФ.

УПК РФ к вербальным письменным доказательствам относит только протоколы допросов, к которым предъявляются конкретные процессуальные требования. Одно из них предусматривает, что лицо допрашивается по строго определенной процессуальной форме, которая применяется ко всем видам допросов. Объяснение, полученное оперативным сотрудником от опрашиваемого им лица, таким требованиям не соответствует. Так, в частности, при получении объяснения у опрашиваемого лица не берется подписка о предупреждении его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного показания. Также не соответствуют процессуальным требованиям в соответствии со ст. 89 УПК РФ и такие результаты опроса, как справка, рапорт оперативного сотрудника и сообщение конфиденциала (агентурная информация в любом виде).

Поэтому оперативным сотрудникам следует различать две научно-практические дефиниции:

1. Материалы оперативно-розыскной деятельности. Это служебные документы, подтверждающие сам факт проведения опроса, а также его законность и обоснованность, в которых должны быть указаны конкретное лицо, его проводившее, а также применяемые технические средства. Эти документы подлежат рассекречиванию и передаче следователю и суду. Но если в них будут отсутствовать сведения о лице, проводившем опрос, то материалы не будут соответствовать требованиям ст. 75 УПК РФ, поскольку оперативный сотрудник при допросе по делу в качестве свидетеля не сможет указать источник своей осведомленности, а ссылка его в своих показаниях на секретность оперативно-розыскной деятельности следователем или судом приниматься не должна.

2. Результаты оперативно-розыскной деятельности. Следует отметить, что доказательствами в соответствии с ФЗ № 144-ФЗ и УПК РФ являются не материалы оперативно-розыскной деятельности, а ее результа-

ты – конечный итог оперативно-розыскных мероприятий, зафиксированный объективно, с помощью технических средств. В настоящее время к таким результатам относятся только аудио-, видеозаписи опроса, зафиксированные на цифровом носителе.

Оценивая результат опроса, записанный на цифровом носителе, следователь при расследовании уголовного дела не может немедленно признать его доказательством по делу. В этом заключается отличие в доказательственной силе процессуальных доказательств от результатов оперативно-розыскной деятельности. Любой результат такой деятельности должен быть проверен следственным путем и ему должна быть дана надлежащая оценка с применением метода криминалистического анализа на достоверность, допустимость и относимость. Кроме того, при исследовании результата опроса следователю необходимо установить отсутствие признаков провокации в отношении фигуранта оперативно-розыскного мероприятия, в частности, что он рассказывал об известных ему событиях в спокойной обстановке, на него не оказывалось физическое или психическое воздействие, он не знал и не догадывался о проведении в отношении его опроса, но понимал, что рассказывает информацию, исходящую от него лично. При этом не имеет значения достоверность данной информации, так как она оценивается в совокупности со всеми иными доказательствами по конкретному уголовному делу. Кроме того, зафиксированная оперативным сотрудником в ходе проведения зашифрованного или негласного опроса голосовая информация может быть проверена следователем на предмет идентификации голоса фигуранта и исследования обстановки, в которой он находился.

После подтверждения всех криминалистически значимых обстоятельств проведенного опроса следователь сможет объективно и уже на законных основаниях решить вопрос о признании его результатов процессуальным доказательством по уголовному делу.

Подводя итог, можно сделать вывод, что такое оперативно-розыскное мероприятие, как опрос, при его надлежащем и профессиональном проведении впоследствии может стать одним из доказательств по уголовному делу и использоваться в установлении всех обстоятельств совершенного преступления.

УДК 343.829

Некоторые организационно-правовые принципы обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы

П. В. ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются отдельные вопросы обеспечения прав осужденных к лишению свободы. На основе исследования теоретических источников и материалов правоприменительной практики формулируется ряд организационно-правовых принципов, которые следует учитывать в процессе обеспечения прав осужденных в местах лишения свободы. Обосновывается вывод о том, что результаты деятельности по обеспечению прав осужденных в определяющей мере зависят от характера криминогенной обстановки в исправительном учреждении, степени распространения криминальных традиций и норм тюремной субкультуры в среде осужденных, а также от уровня профессиональной подготовки, духовно-нравственного развития и правосознания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; правозащитная деятельность; уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; лишение свободы; права осужденных; социальная справедливость.

12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность.

Some organizational and legal principles for ensuring the rights of convicts in prisons

P. V. GOLODOV – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article deals with certain issues of ensuring the rights of persons sentenced to imprisonment. On the basis of a study of theoretical sources and materials of law enforcement practice, a number of organizational and legal principles are formulated that should be taken into account in the process of ensuring the rights of convicts in prisons. The conclusion is based on the fact that the results of activities to ensure the rights of convicts depend to a certain extent on the state of the criminal situation in the correctional institution, the degree of dissemination of criminal traditions and the norms of prison subculture among convicts, as well as on the level of professional training, spiritual and moral development and legal consciousness of the penal system.

Key words: law enforcement; human rights activities; penal system; correctional institution; deprivation of liberty; the rights of convicts; social justice.

12.00.11 – Judicial, prosecutorial, human rights and law enforcement activities.

Происходящие в последние годы в нашей стране процессы гуманизации уголовной и уголовно-исполнительной политики, а также практики исполнения уголовных наказаний выдвигают на передний план вопросы обеспечения, а в ряде случаев и расширения

прав и свобод осужденных, содержащихся в местах лишения свободы. Одним из основных признаков правового государства является способность обеспечить соблюдение прав и свобод своих граждан, причем осужденные здесь не являются исключени-

ем. Поддержание надлежащего уровня законности в деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является одним из определяющих условий достижения целей наказания, решения задач ресоциализации осужденных к лишению свободы, их исправления и возвращения в общество в качестве законопослушных граждан.

Осужденные к лишению свободы представляют собой одну из наименее защищенных категорий граждан в силу специфики их правового статуса, а также особенностей правоотношений, возникающих в ходе исполнения наказания. В процессе обеспечения их прав и законных интересов возникает немало организационных и правовых трудностей. Осужденные в местах лишения свободы в определенной степени ограничены в возможностях самостоятельно отстаивать свои права, социальных контактах и доступе к социально-правовой информации. Уголовно-исполнительная деятельность реализуется на фоне острейших социальных противоречий и межличностных конфликтов, в связи с чем отсутствие сильного этического контекста, нравственной основы процесса исполнения наказаний может привести к злоупотреблению властью¹ и тем самым стать причиной различных проявлений несправедливости. Обеспечение прав человека в той или иной мере является обязанностью всех сотрудников пенитенциарной службы, они должны обращать пристальное внимание на все без исключения факты нарушения законности.

По состоянию на 01.01.2020 органами прокуратуры внесено 22 597 актов прокурорского реагирования, подано в связи с деятельностью подразделений уголовно-исполнительной системы 4788 протестов (21,19 % от общего числа актов), 15 207 представлений (67,29 %), 1486 постановлений (6,58 %), 466 предостережений о недоступности нарушения закона (2,06 %), 650 исков (2,88 %)².

Анализ тематики обращений по поводу нарушений прав человека в пенитенциарных учреждениях, поданных Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, позволил установить следующую их классификацию: неправомерные действия сотрудников уголовно-исполнительной системы – 951 (2018 г. – 878), медицинское обеспечение – 934 (2018 г. – 806), условия содержания – 654 (2018 г. – 556), перевод в иное учреждение – 561 (2018 г. – 528), освобождение от наказания – 396 (2018 г. – 295),

предоставление информации и нормативных правовых актов – 240 (2018 г. – 192), социальное обеспечение – 141 (2018 г. – 114), труд в исправительном учреждении – 43 (2018 г. – 31), соблюдение прав при конвоировании – 32 (2018 г. – 8), иное – 524 (2018 г. – 516)³.

В последние годы на государственном уровне был предпринят ряд серьезных мер, направленных на обеспечение прав и законных интересов осужденных к лишению свободы: внесены значимые изменения в уголовно-исполнительное законодательство (например, в части исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин); выстроена действенная система работы с общественными наблюдательными комиссиями; расширена практика участия органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в социально-реабилитационных проектах (создание региональных социально-реабилитационных центров и т. п.); сформирован институт помощников начальников территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека в уголовно-исполнительной системе, а также помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими; повысился уровень финансирования развития материально-бытовой, медицинской и производственной базы исправительных учреждений; пристальное внимание уделяется вопросам работы с личным составом. Все это позволило существенно улучшить условия содержания и труда осужденных в местах лишения свободы, создать дополнительные возможности для установления контактов осужденных с внешним миром, восстановления социально полезных связей, сформировать эффективные механизмы государственного и общественного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем в практике деятельности учреждений и органов ФСИН России по обеспечению прав осужденных к лишению свободы по-прежнему сохраняется ряд нерешенных проблем. В их числе следующие:

- потребность в большей дифференциации осужденных, обеспечении их раздельного содержания в зависимости от криминологических и социально-педагогических характеристик, исключении негативного влияния одних групп осужденных на другие;

- ограниченные возможности для сокращения численности групп (первичных

коллективов) осужденных для совместного проживания в исправительном учреждении;

– отсутствие действенных правовых механизмов стимулирования правопослушного поведения осужденных, нетиповых механизмов работы с положительно характеризующимися осужденными;

– недостаточный уровень финансирования, выделяемого на поддержание и развитие материально-бытовой и медицинской базы исправительных учреждений (в том числе по причине низкой эффективности производственного сектора уголовно-исполнительной системы);

– недостаточно высокий уровень профессиональной квалификации, духовно-нравственного развития и правосознания сотрудников, в ряде случаев имеющий место некомплект должностей в исправительных учреждениях.

Проведенный нами в рамках исследования анализ научной литературы, правовой статистики и материалов уголовно-исполнительной практики позволил сформулировать ряд принципов организационно-правового содержания, на которые следует опираться при решении задач обеспечения прав и законных интересов осужденных к лишению свободы:

1. Результаты деятельности по обеспечению прав и законных интересов осужденных в определяющей мере зависят от характера криминогенной обстановки в исправительном учреждении, распространенности криминальных традиций и норм тюремной субкультуры в среде осужденных, степени приверженности к ним со стороны осужденных и их влияния на нейтрально и положительно характеризующихся лиц. Еще более важной представляется позиция администрации исправительного учреждения в данном вопросе. Там, где персонал учреждения склонен встраиваться в систему асоциальных неформальных отношений, использовать ее для решения повседневных, в том числе правоохранительных, задач, будет невозможно создать прочный и действенный механизм обеспечения прав осужденных, установить должный уровень правопорядка и законности. Полагаем, что задача персонала исправительного учреждения состоит в предупреждении и пресечении данных негативных явлений в среде осужденных, активном противодействии им. Для этого сотрудники должны обладать правом наиболее полного использования всего арсенала средств воздействия на осужденных

(дисциплинарных, поощрительных, пресекающих, защитных, профилактических и т. п.), включая возможности для более дифференцированного содержания осужденных в зависимости от их уголовно-правовых, криминалистических и личностных характеристик.

2. Говоря о необходимости решения задач обеспечения прав и законных интересов осужденных, не следует забывать о существовании не менее острой проблемы достижения социальной справедливости при обеспечении прав осужденных и иных граждан. Не случайно она неминуемо актуализируется применительно к сфере исполнения уголовных наказаний. С одной стороны, «наказания должны быть злом, которое устрашает преступника и одновременно предотвращает правонарушения»⁴, с другой – необходимо обеспечить минимальный уровень прав осужденных, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а также требованиями норм международного права. Представляется, что в ряде случаев не только необоснованно, но и недопустимо брать на себя обязательства, которые государство не сможет исполнить в силу различных (экономических и других) причин либо исполнение которых приведет к тем или иным негативным последствиям⁵. Например, сегодня многие отечественные и зарубежные теоретики и практики в области исполнения наказаний ратуют за существенное расширение прав и свобод осужденных, создание в исправительных учреждениях условий, максимально способствующих их ресоциализации. При этом большинство осужденных не заняты трудом, находятся фактически на полном государственном обеспечении, иждивении у общества, ведут праздный образ жизни, в то время как далеко не каждый свободный добросовестно трудящийся законопослушный гражданин может обеспечить нормальные условия жизни для себя и своей семьи. Кроме того, обеспечение прав осужденных на должном уровне возможно только в ситуации, когда права самих сотрудников уголовно-исполнительной системы реализуются и надежно защищаются, особенно когда речь идет о правовой защите сотрудника в конфликтах между персоналом и осужденными, а также в ситуациях применения различного рода мер принуждения. Данная проблема должна находиться в поле зрения различных правозащитных институтов не в меньшей мере⁶. Как отмечается в докладе Уполномо-

ченного по правам человека в Вологодской области О. А. Димони, на сегодняшний день у граждан нет единого понимания сущности и необходимости решения проблемы социальной адаптации бывших осужденных, высказываются мнения о нецелесообразности оказания помощи бывшим преступникам в ущерб иным категориям граждан, не имеющих жилья, испытывающим трудности в поиске работы, не сложилось представления о том, что ресоциализация осужденных есть вынужденная мера, которая заключается в создании условий для возвращения указанных лиц к полезной деятельности, устранении потенциальной угрозы совершения ими новых преступлений⁷.

3. Немаловажным моментом является и то обстоятельство, что существенный объем жалоб осужденных к лишению свободы на нарушение их прав и законных интересов связан с недобросовестным поведением самих же осужденных. Усиление работы исправительных учреждений в направлении обеспечения и защиты прав осужденных, с одной стороны, неминуемо сопровождается попытками осужденных злоупотреблять своим правом, а в ряде случаев и провоцировать администрацию учреждения на действия, которые в дальнейшем планируется трактовать в качестве нарушения прав и свобод осужденных и иных лиц. Подтверждением этому служит анализ практики рассмотрения органами прокуратуры, аппаратами уполномоченного по правам человека, общественными наблюдательными комиссиями обращений осужденных с жалобами по поводу нарушения их прав и законных интересов, поскольку значительная часть данных жалоб не находит своего подтверждения в ходе проверок. В связи с этим необходимо вести соответствующую просветительскую и воспитательную работу с осужденными.

4. Существенным моментом при решении задач обеспечения прав и законных интересов осужденных к лишению свободы является поддержание внутри исправительного учреждения действенной социально-реабилитационной среды, предусматривающей оказание адресного исправительного воздействия на каждого осужденного и основывающейся на приоритете прав человека, нормах морали и традиционных духовно-нравственных ценностях, а также требованиях обеспечения безопасности, сохранения физического и нравственного здоровья осужденных. Определяющим компонентом данной среды должен стать профессионально подготовленный, высокообразованный, духовно и интеллектуально развитый сотрудник исправительного учреждения, готовый и, самое главное, способный по своим личностным качествам отстаивать и твердо защищать правовые ценности в любой ситуации в ходе повседневной деятельности. Следовательно, значимым условием надлежащего обеспечения прав осужденных является совершенствование процесса кадрового обеспечения исправительных учреждений, профессиональной подготовки и воспитания кадров.

5. Достижение должного уровня обеспечения прав и законных интересов осужденных в местах лишения свободы возможно лишь при условии полного финансирования всех необходимых (а не минимально необходимых) расходов исправительного учреждения, создания эффективных организационных правозащитных механизмов (с участием общественных институтов и ведомственных систем контроля, основанных на профессиональной юридической деятельности), внедрения и использования передовых форм и методов пенитенциарной деятельности, высокого уровня ее научно-методического обеспечения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Койл Э. Подход к управлению тюрьмой с позиций прав человека : пособие для тюрем. персонала. Лондон, 2002. С. 13.

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2019 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2020. С. 53.

³ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2019 г. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ Хайруллин В. И. Гумбольдт о справедливости // Государство и право. 2003. № 4. С. 93–97.

⁵ См.: Толстик В. А. Некоторые проблемы обеспечения соответствия российской и европейской правовых систем в условиях глобализации // Правовая система России в условиях глобализации : сб. материалов «круглого стола» / под ред. Н. П. Колдаевой, Е. Г. Лукьяновой. М., 2005. С. 72–76.

⁶ См.: Голодов П. В. Права осужденных: минимум или расширение? // Реализация прав и свобод осужденных к различным видам наказания (в зарубежных странах) : сб. ст. / отв. ред. С. А. Софронова. Вологда, 2008. С. 21–24.

⁷ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Вологодской области, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина на территории области в 2019 году. URL: http://up35.ru/wp-content/uploads/2020/03/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%A3%D0%9F%D0%A7_2019.pdf (дата обращения: 10.06.2020).

- ¹ Sm.: Kojl E. Podhod k upravleniyu tyur'moj s pozicij prav cheloveka : posobie dlya tyurem. personala. London, 2002. S. 13.
- ² Sm.: Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar'–dekabr' 2019 g.) : inform.-analit. sb. Tver', 2020. S. 53.
- ³ Sm.: Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2019 g. URL: https://ombudsmanrf.org/upload/files/docs/lib/doc2019_fin_compressed.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2020).
- ⁴ Hajrullin V. I. Gumbol'dt o spravedlivosti // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 4. S. 93–97.
- ⁵ Sm.: Tolstik V. A. Nekotorye problemy obespecheniya sootvetstviya rossijskoj i evropejskoj pravovyh sistem v usloviyah globalizacii // Pravovaya sistema Rossii v usloviyah globalizacii : sb. materialov «kruglogo stola» / pod red. N. P. Koldaevoj, E. G. Luk'yanovoj. M., 2005. S. 72–76.
- ⁶ Sm.: Golodov P. V. Prava osuzhdennyh: minimum ili rasshirenie? // Realizaciya prav i svobod osuzhdennyh k razlichnym vidam nakazaniya (v zarubezhnyh stranah) : sb. st. / otv. red. S. A. Sofronova. Vologda, 2008. S. 21–24.
- ⁷ Sm.: Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Vologodskoj oblasti, soblyudenii i zashchite prav i svobod cheloveka i grazhdanina na territorii oblasti v 2019 godu. URL: http://up35.ru/wp-content/uploads/2020/03/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D0%A3%D0%9F%D0%A7_2019.pdf (data obrashcheniya: 10.06.2020).

УДК 342

Общественная палата субъекта Российской Федерации как координатор общественного контроля в регионе: теория и практика

Н. Н. КИРИЛОВСКАЯ – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты статуса общественной палаты субъекта Российской Федерации как координатора общественного контроля в регионе. Проведенный анализ показал, что федеральный законодатель изначально установил возможность взаимодействия субъектов общественного контроля на основании принципов равноправия и самостоятельности, не определяя координатора такого взаимодействия. Однако осуществление общественного контроля на местах вызвало трудности методического, информационного и финансового характера, что предопределило развитие федерального законодательства в сторону потребностей региона в сфере общественного контроля и наделение общественной палаты субъекта Российской Федерации полномочиями по оказанию поддержки и помощи субъектам общественного контроля, действующим в этом регионе.

Ключевые слова: общественный контроль; система общественного контроля; субъекты общественного контроля; Общественная палата Российской Федерации; общественные палаты субъектов Российской Федерации; общественные палаты (советы) муниципальных образований; общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации; общественные наблюдательные комиссии.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Public Chamber of a constituent entity of the Russian Federation as a coordinator of public control in the region: theory and practice

N. N. KIRILOVSKAYA – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. In Law, Associate Professor

The article analyzes the theoretical and practical aspects of the status of the public chamber of the constituent entity of the Russian Federation as a coordinator of public control in the region. The analysis showed that the federal legislator initially established the possibility of interaction of subjects of public control based on the principles of equality and independence, without defining the coordinator of such interaction. However the implementation of public control in the regions caused difficulties of a methodological, informational and financial nature, what predetermined the development of federal legislation in the direction of the practical needs of the region in the field of public control and gave the public chamber of the subject of the Russian Federation the authority to provide support and assistance to subjects of public control operating in this region.

Key words: public control; system of public control; subjects of public control; Public chamber of the Russian Federation; public chambers of constituent entities of the Russian Federation; public chambers (councils) of municipalities; public councils under legislative (representative) and executive bodies of state power of subjects of the Russian Federation; public monitoring commissions.

12.00.01 – Theory and history of law and state; the history of theories of law and the state.

Общественная палата субъекта Российской Федерации – это орган общественного контроля, обеспечивающий взаимодействие граждан, некоммерческих организаций с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъекта Российской Федерации и органами местного самоуправления путем осуществления мониторинга деятельности данных органов власти. Целью такого мониторинга является обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан, некоммерческих организаций, органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления при решении важных вопросов экономического и социального развития субъекта Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан.

Создание общественной палаты субъекта Российской Федерации связано с принятием Федерального закона от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации»¹, который предусматривал участие региональных общественных палат в формировании Общественной палаты Российской Федерации. Именно с принятием данного документа начались формирование региональных общественных палат и определение их правового статуса. Что касается данного федерального закона, то он определил два положения в рамках правового статуса региональных общественных палат: во-первых, закрепил обязанность по участию в формировании состава Общественной палаты Российской Федерации (ч. 5 ст. 8); во-вторых, закрепил право на получение помощи от Общественной палаты Российской Федерации в виде методических материалов, а также семинаров в целях совершенствования деятельности региональных общественных палат (п. 10 ч. 3 ст. 16). Таким образом, изначально законодатель заложил понимание общественной палаты субъекта Российской Федерации как помощника Общественной палаты Российской Федерации на местах, но не как координатора общественного контроля в регионе.

Следующим документом федерального значения, закрепляющим статус общественной палаты субъекта Российской Федерации как субъекта общественного контроля, стал Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»² (далее – федеральный закон № 212), который считается базовым доку-

ментом в сфере общественного контроля. Данный закон закрепил перечень субъектов общественного контроля: Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований и общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Их можно считать основными субъектами общественного контроля. В качестве вспомогательных субъектов общественного контроля закон указывает общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля, иные организационные структуры. Таким образом, законодатель устанавливает равенство всех субъектов общественного контроля. Это подтверждается ст. 10, в которой установлен общий перечень прав и обязанностей для всех субъектов общественного контроля.

Исходя из этого общественная палата субъекта Российской Федерации обладает следующими правами:

- быть инициатором осуществления общественного контроля в формах и пределах, установленных законодательством;
- делать запросы на получение необходимой информации от органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, для осуществления общественного контроля;
- посещать соответствующие органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные органы и организации, осуществляющие в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия; подготавливать по результатам общественного контроля отчеты проверок и направлять их в проверяемые органы;
- в случае выявления фактов нарушений прав и свобод человека правом на обращение к группе уполномоченных по правам человека, в прокуратуру, суд и др.

К числу обязанностей общественной палаты субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральным законом № 212 можно отнести:

– соблюдение действующего законодательства в сфере общественного контроля;

– запрет на создание препятствий деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия;

– соблюдение конфиденциальности полученной в ходе осуществления общественного контроля информации, если ее распространение ограничено федеральными законами;

– обнародование информации о своей деятельности по осуществлению общественного контроля и о результатах контроля.

Анализ закрепленных прав и обязанностей субъектов общественного контроля позволяет сделать вывод, что законодательно не установлена координирующая роль ни одного субъекта общественного контроля, что, на наш взгляд, представляется не вполне логичным и правильным. Следует согласиться с мнением профессора Г. Н. Чеботарева по поводу необходимости понимания общественного контроля как системы, в которой должно быть главное звено, выступающее координатором для всех элементов системы³. Если рассматривать систему общественного контроля в конкретном регионе, то в качестве ее субъектов следует назвать общественную палату субъекта Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации и общественную наблюдательную комиссию. Центральным звеном системы и координатором общественного контроля в регионе должна стать общественная палата субъекта Российской Федерации. По мнению профессора Г. Н. Чеботарева, это объясняется рядом причин: «во-первых, они являются самыми представительными общественными объединениями в субъектах РФ; во-вторых, в общественные палаты, как правило, избираются руководители общественных структур или наиболее авторитетные и пользующиеся доверием граждан их представители, что позволяет и общественным палатам быть самыми авторитетными формированиями; в-третьих, общественная палата может принимать непосредственное участие в формировании субъектов общественного контроля, действующих в регионе»⁴.

Согласно ст. 17 федерального закона № 212 законодатель допускает возможность создания ассоциаций и союзов субъектов общественного контроля, а также проведения совместных мероприятий в целях координации своей деятельности, объединения усилий и средств для повышения эффективности общественного контроля. В ч. 2 данной статьи указано, что такое взаимодействие должно осуществляться на основании принципов открытости, прозрачности, равноправия и сотрудничества. Тем самым законодатель еще раз подтверждает свою позицию относительно самостоятельного статуса всех субъектов общественного контроля. Однако практика показывает, что потребность в координаторе проводимого общественного контроля на местах все же имеется, поэтому регионы решают данную проблему самостоятельно и по своему усмотрению. Так, в Тюменской области по инициативе общественной палаты была создана региональная Ассоциация общественного контроля, сформирован координационный совет ассоциации, в который вошли представители общественной палаты, общественных советов муниципальных образований, общественных советов при исполнительных органах государственной власти области⁵. Таким образом, общественная палата Тюменской области взяла на себя роль координатора по взаимодействию субъектов общественного контроля в регионе. Такую же позицию заняла общественная палата Амурской области. Так, в региональном законодательстве закреплено, что общественная палата Амурской области не только принимает участие в формировании общественных советов при органах законодательной (представительной) власти области, но и является координатором этих советов и иных субъектов общественного контроля, осуществляющих деятельность в соответствии с региональным законом⁶.

Региональное законодательство предопределило развитие федерального законодательства, и в 2016 г. был принят Федеральный закон от 23.06.2016 № 183-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁷, в котором в ст. 2 в качестве задач общественной палаты субъекта Российской Федерации в русле рассматриваемой проблемы обозначены:

– взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации, общественными палатами субъектов Российской Фе-

дерации, а также общественными палатами (советами) муниципальных образований, общественными советами при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъекта Российской Федерации, находящимися на территории субъекта Российской Федерации;

– оказание информационной, методической и иной поддержки общественным палатам (советам) муниципальных образований, общественным советам при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъекта Российской Федерации, находящимся на территории субъекта Российской Федерации, некоммерческим организациям, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в субъекте Российской Федерации.

Таким образом, законодатель отреагировал на потребности практики и закрепил на федеральном уровне координирующую роль общественной палаты по реализации общественного контроля в регионе с целью повышения его эффективности, комплексности, системности. Закрепление координирующей роли региональных общественных палат, к сожалению, в некоторых регионах остается лишь нормой закона без ее практической реализации, что приводит к нивелированию данной задачи.

Подводя итоги анализа действующего законодательства в области общественного контроля относительно формирования правового статуса общественной палаты субъекта Российской Федерации как координатора общественного контроля в регионе, считаем необходимым обратить внимание на проработку следующих положений:

1. Закрепление в региональном законодательстве об общественных палатах нормы, предусматривающей координирующую роль региональных общественных палат в рамках взаимодействия с другими субъектами общественного контроля, действующими в пределах одного региона, с указанием прав, обязанностей и механизма такого взаимодействия.

2. Наделение региональной общественной палаты как координатора общественного контроля в регионе следующими полномочиями:

- участие в формировании региональных субъектов общественного контроля;
- получение годовых отчетов о деятельности региональных субъектов общественного контроля;
- участие в итоговых совещаниях региональных субъектов общественного контроля;
- участие в осуществлении общественного контроля, проводимого региональными субъектами общественного контроля.

3. Координирующая роль общественной палаты субъекта Российской Федерации в осуществлении общественного контроля, проводимого в регионе, предопределяет рассмотрение вопроса о критериях конкурсного отбора в члены региональной общественной палаты в отношении как самих кандидатов, так и общественных объединений, которые их выдвигают. Реализация региональными общественными палатами координирующей роли в осуществлении общественного контроля в регионе предусматривает наложение на них дополнительных прав, обязанностей и ответственности, что также необходимо проработать на федеральном и региональном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.

² См.: Там же. 2014. № 30, ч. I. Ст. 4213.

³ См.: Чеботарев Г. Н. Общественная палата в системе общественного контроля субъекта Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Гриб В. В. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ как объект общественного контроля // Сравнительная политика. 2017. Т. 7, № 3. С. 40.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26, ч. I. Ст. 3852.

¹ Sm.: Sbr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2005. № 15. St. 1277.

² Sm.: Tam zhe. 2014. № 30, ch. I. St. 4213.

³ Sm.: Shebotarev G. N. Obshchestvennaya palata v sisteme obshchestvennogo kontrolya sub'ekta Rossijskoj Federacii. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

⁴ Sm.: Tam zhe.

⁵ Sm.: Tam zhe.

⁶ Sm.: Grib V. V. Zakonodatel'nye (predstavitel'nye) organy gosudarstvennoj vlasti sub'ektov RF kak ob'ekt obshchestvennogo kontrolya // Sravnitel'naya politika. 2017. T. 7, № 3. S. 40.

⁷ Sbr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2016. № 26, ch. I. St. 3852.

Государство и общественный контроль: идеологические аспекты формирования правового порядка

Е. В. СВИНИН – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Непрерывное развитие государства свидетельствует о важности и объективности института общественного контроля, выступающего средством диалога государства и общества. В статье отмечается, что государство заинтересовано в общественном контроле, поскольку он обеспечивает легитимность власти и ее стабильность. Правовое регулирование, регламентирующее существенные стороны правопорядка в сфере общественного контроля, основывается на определенном идеологическом фундаменте. Автор приходит к выводу, что в процессе формирования правового порядка государственная идеология основывается на нескольких константах. Во-первых, общественный контроль не может быть абсолютным и всеобъемлющим, поскольку он будет посягать на суверенитет и верховенство государственной власти. Во-вторых, общественный контроль должен обеспечивать легитимность государственной власти, быть относительно лояльным к ней. В этой связи общественный контроль можно рассматривать как фактор государственного управления. В-третьих, общественный контроль должен функционировать на основе самоорганизации, иметь реальные правовые средства ограниченного воздействия на государство.

Ключевые слова: государство; право; общественный контроль; правовое регулирование; идеология; правопорядок.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

State and public control: ideological aspects of legal order formation

E. V. SVININ – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The continuous development of the state testifies to the importance and objectivity of the institution of public control, since it is a significant means of dialogue between the state and society. Attention is focused on the fact that the state is interested in public control, since it ensures the legitimacy of the government and therefore its stability. Legal regulation that defines the essential aspects of law and order in the sphere of public control is based on a certain ideological foundation. In the process of forming the legal order the state ideology is based on several constants. First, public control cannot be absolute and comprehensive, since it will infringe on the sovereignty and supremacy of state power. Secondly, public control must ensure the legitimacy of the state power and be relatively loyal to it. In this regard public control can be considered as a factor of public administration. Third, public control should function on the basis of self-organization and have real legal means of limited influence on the state.

Key words: state; law; public control; legal regulation; ideology; law and order.

12.00.01 – Theory and history of law and state; the history of theories of law and the state.

Государство неразрывно связано с идеологией. В зависимости от исторического периода эта связь может проявлять себя в большей или меньшей степени. Выступая универсальным институтом управления обществом, государство неизбежно не только создает, но и защищает идеологию, которая может иметь как политический, так и правовой характер. Если политическая идеология связана с борьбой за власть, то правовая отражает ценности правового порядка. В явном либо скрытом виде она неизбежно присутствует в правовом регулировании. Это обусловлено сущностью права, существованием информационного и ценностного каналов его влияния на общественную жизнь.

Широко известно, что юридические нормы выражают государственную волю, устанавливают определенные масштабы возможного и запрещенного поведения, способствуя формированию в обществе состояния порядка, спокойствия, создавая условия для дальнейшего развития и прогресса. Вместе с тем следует учитывать, что нормы права – это не только формальные правила поведения, но и определенные ценности, имеющие как общественное, так и индивидуальное значение. От того, насколько общество воспринимает правовые ценности как свои собственные, зависит эффективность регулирования. Ценностный аспект в правовом регулировании не менее важен, чем формально-содержательный. Восприятие норм как разумных и справедливых является важнейшей предпосылкой правомерного поведения. Таким образом, закрепленные в праве ценности (свободы, равенства, собственности и т. д.) несут на себе печать государственной идеологии, то есть системы идей, связанных с формированием в обществе состояния правового порядка.

Представляется, что государственная идеология не должна отождествляться с партийно-политической. Безусловно, именно последняя является классическим ее проявлением. Негативный опыт Советского государства в части воплощения коммунистической идеологии неизбежно отразился в системе современного конституционного регулирования. Действующая Конституция Российской Федерации гласит, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13). Представляется, что указанная норма характеризует идеологию в политическом аспекте. Правовую сущность

государственной идеологии запретить невозможно в принципе.

Правовой контекст государственной идеологии обусловлен такими важнейшими свойствами права, как системность, обязательность, формальная определенность, государственно-волевой характер. Важнейшие идеи, определяющие содержание запретов, дозволений, обязанностей, льгот, стимулов, благодаря государству воплощаются в источниках права, приобретают юридическое значение. В этой связи государство является не только политико-правовым, но и идеологическим явлением. Парадоксально, но буржуазное государство, основанное на демократии и рыночной экономике, является не менее идеологичным, чем социалистическое. Отличаются лишь формы, средства, интенсивность влияния идеологии на жизнь.

Безусловно, идеология государственно-правового регулирования общественных отношений не обладает той целостностью и монолитностью, которую имеет идеология какой-либо политической партии. Скорее всего, речь идет об идеологических компонентах правового регулирования. Однако следует признать факт, что государство, формируя правопорядок, наделяет его идеологическими свойствами.

Акцентируя внимание на идеологической сути государства и правового порядка, постараемся раскрыть закономерные связи общественного контроля с государством и правопорядком.

Исторический опыт свидетельствует, что формирование общественного контроля может осуществляться либо автономно от государства, либо под его покровительством.

Автономность и независимость общественного контроля имеют естественные причины, связанные с желанием общества ограничить свободное усмотрение и произвол должностных лиц. Независимый контроль изначально носит идеологически конфликтный характер. Ярким примером может служить деятельность неправительственных правозащитных организаций. Идеологическая непримиримость с государством приводит некоторые организации к финансовой зависимости от иностранного капитала. К примеру, благотворительный фонд помощи осужденным и их семьям финансируется Европейской комиссией Европейского Союза и Министерством иностранных дел Королевства Нидерландов, а некоммерческая организация «В защиту прав за-

ключенных» – фондом Бориса Немцова за свободу, зарегистрированным в Германии. Вовлеченность этих организаций не только в сферу защиты прав осужденных, но и в политическую деятельность привела к признанию их в качестве некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента¹.

Следует отметить, что формирование неправительственных правозащитных организаций весьма наглядно иллюстрирует феномен самоорганизации общества и его интеграции вокруг определенных социально значимых интересов, в частности защиты прав осужденных. К этим организациям нельзя относиться исключительно негативно. Некоторые из них широко известны своей правозащитной деятельностью, например Московская Хельсинская группа, Комитет против пыток, Центр содействия реформе уголовного правосудия «Тюрьма и воля». В то же время в деятельности этих организаций прослеживается обвинительный уклон и восприятие уголовно-исполнительной системы как карательно-репрессивной машины подавления личности человека.

Возникновение и развитие «государственной модели» общественного контроля является альтернативой спонтанной (а в ряде случаев управляемой из-за рубежа) общественной самоорганизации. Объективная необходимость в общественном контроле обусловлена тем, что прозрачность и открытость государственного механизма является одним из условий его стабильного функционирования. Создавая организационные формы, государство предлагает обществу осуществление отдельных контрольных полномочий. Следует отметить, что общественный контроль имеет диспозитивный характер, осуществляется в форме «мягкого права», тем самым мало напоминая контрольно-надзорную деятельность государства. При этом институты общественного контроля встречаются не только в современной правовой системе, но и в до-революционный и советский периоды развития общества. К примеру, в дореволюционный период было учреждено «Общество попечительное о тюрьмах», известно также о деятельности наблюдательных комиссий за местами заключения; в советский период институциональные формы общественного контроля были связаны с распределительными и наблюдательными комиссиями².

Удивительно, но государства, существенно отличающиеся друг от друга с точки зрения формы правления и идеологической сущности, оказались близки в понимании

объективной необходимости общественного контроля. Порядок формирования, направления деятельности и полномочия имели много отличий, однако важно видеть и понимать государственную заинтересованность в этих институтах.

Как нам представляется, общественный контроль служит одним из факторов обеспечения легитимности государственной власти. Государство предоставляет обществу контрольные полномочия, становится более прозрачным. Это обеспечивает более высокий уровень доверия между обществом и государством, что является одним из условий стабильности и долголетия власти.

Сказанное не означает, что общественный контроль является инструментом государственного влияния. Идеологические основы правопорядка в сфере общественного контроля заключаются в том, что государство очерчивает внешние границы, в которых общество свободно. Инициатива и активность в реализации предоставленных прав и свобод также важна, как и внешние границы этой свободы. Полный государственный патронат общественного контроля неизбежно приводит к вырождению его сути, а значит, противоречит объективным интересам самого государства. Не менее опасна и прямая противоположность: абсолютная свобода общественного контроля посягает на суверенитет государства, его верховенство, неизбежно приводит к дестабилизации государственного механизма, снижению эффективности реализации им своих функций.

Если обратиться к анализу Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³, то можно увидеть, что формирование правопорядка осуществляется на ряде фундаментальных идей, закрепленных в исходных нормах и вытекающих из его общего смысла. Закон уделяет пристальное внимание понятию общественного контроля, его целям, задачам, принципам, которые в совокупности образуют идеологический фундамент правового регулирования и правового порядка. Их анализ является отдельной проблемой и рассматриваться нами не будет. В то же время хотелось бы обратить внимание на то, что важнейшие идеологические компоненты правового порядка могут проявляться в нормах права опосредованно, вытекая из «духа» закона, его общего смысла. Примером может служить определение субъектов общественного контроля.

Перечень субъектов носит однозначно регламентированный характер. Государство относит к ним общественные палаты и общественные советы разных уровней, а также общественные наблюдательные комиссии. В случае принятия отдельных законов допускается возможность появления общественных групп, инспекций и иных организационных форм, которые не созданы в силу отсутствия законодательной базы. Примечательно, что функционирующие неправительственные правозащитные организации не осуществляют общественный контроль в формально-юридическом смысле. Представляется, что сложившаяся ситуация далеко не случайна, поскольку государство заинтересовано в частичной управляемости или, как минимум, лояльности общественного контроля. Однако еще раз отметим, что полная управляемость общественным контролем снижает его эффективность и легитимность государственной власти, что в условиях информационной эпохи увеличивает энтропийные риски.

Государство вынуждено создавать механизмы для сдерживания самого себя. Одним из них как раз и является общественный контроль. При этом закрепленные в законодательстве формы и методы деятельности субъектов общественного контроля должны быть реально функционирующими, а не декларационными. В этой связи необходимо уделять пристальное внимание качеству действующего законодательства. Технико-юридическая сторона общественного контроля имеет не только общетеоретическое, но и прикладное значение и заслуживает отдельного рассмотрения.

В заключение отметим, что идеологические основы правопорядка отражают объективные потребности общественного развития, которые реализуются в системе действующих юридических норм. При этом состояние правопорядка в сфере общественного контроля зависит от баланса идеологических ценностей, определяющих стабильное функционирование государства и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (дата обращения: 10.06.2020).

² См.: Перебинос Ю. А. Возникновение и развитие института общественного контроля за соблюдением прав и законных интересов обвиняемых, подозреваемых, осужденных в России // Субъекты общественного контроля за соблюдением прав и законных интересов обвиняемых, подозреваемых и осужденных в Российской Федерации : учеб. пособие. 2-е изд., изм. и доп. Вологда, 2017. С. 26–46.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30, ч. I. Ст. 4213; 2018. № 53, ч. I. Ст. 8424.

¹ См.: Svedeniya reestra NKO, vpolnyayushchih funkcii inostrannogo agenta. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx> (data obrashcheniya: 10.06.2020).

² См.: Perebinos YU. A. Vozniknovenie i razvitie instituta obshchestvennogo kontrolya za soblyudeniem prav i zakonnyh interesov obvinyaemyh, podozrevaemyh, osuzhdennyh v Rossii // Sub"ekty obshchestvennogo kontrolya za soblyudeniem prav i zakonnyh interesov obvinyaemyh, podozrevaemyh i osuzhdennyh v Rossijskoj Federacii : ucheb. posobie. 2-e izd., izm. i dop. Vologda, 2017. S. 26–46.

³ См.: Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2014. № 30, ch. I. St. 4213; 2018. № 53, ch. I. St. 8424.

Криминологические и правовые средства противодействия распространению экстремизма в Российской Федерации

И. В. КАРЛОВ – преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ю. Ю. КАРГИНА – курсант 2 курса юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России

В статье рассматриваются основные уголовно-правовые, административные и криминологические средства противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации. Анализируются основные статистические показатели преступности и административных правонарушений, профилактическая деятельность и международное сотрудничество государственных органов, а также основные изменения, связанные с декриминализацией части преступных деяний, и их последствия. Авторы приходят к выводу, что деятельность органов государственной власти, направленная на борьбу с экстремизмом, носит комплексный и разнонаправленный характер и является достаточно эффективной.

Ключевые слова: экстремизм; профилактика; правовые средства; административная преюдиция; преступление.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Criminological and legal means of countering the spread of extremism in the Russian Federation

I. V. KARLOV – Lecturer of the Department of Management and Administrative Law Disciplines of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law;

YU. YU. KARGINA – 2nd Year Cadet of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the main criminal law, administrative and criminological means of countering extremist activities in the Russian Federation. The main statistical indicators of crime and administrative offenses, preventive activities and international cooperation of state bodies, as well as the main changes associated with the decriminalization of part of criminal acts and their consequences are analyzed. The authors come to the conclusion that the activities of state authorities aimed at combating extremism are complex and multidirectional in nature and are quite effective.

Key words: extremism; prophylaxis; legal means; administrative prejudice; crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

Одной из актуальных проблем современности выступает противодействие экстремизму. Следует отметить, что легальное определение экстремизма, содержащееся

в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», охватывает достаточно широкий круг общественно опасных деяний:

публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, распространение, изготовление или хранение заведомо экстремистских материалов, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по различным признакам, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность, воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан, призывы к нарушению территориальной целостности и т. д.

Данные деяния были последовательно криминализированы в УК РФ (ст. 280, 280.1, 280.2, 282 и др.). Следует отметить, что, по данным МВД России, в 2019 г. в России было зарегистрировано 585 преступлений экстремистской направленности, что на 53,8 % меньше, чем в 2018 г. Несмотря на положительные тенденции, по нашему мнению, говорить о кардинальном изменении ситуации преждевременно, поскольку за тот же период было зарегистрировано 1806 преступлений террористического характера, что на 7,6 % больше, чем годом ранее¹. А как известно, экстремисты нередко в дальнейшем вступают в ряды террористических организаций.

Кроме того, около 2/3 осужденных за экстремизм составляли лица, привлеченные к уголовной ответственности за распространение в социальных сетях экстремистских материалов (за так называемые лайки и репосты), которые были включены в состав административных правонарушений (ст. 20.3.1 КоАП РФ). Также была разъяснена правоприменителям позиция Верховного Суда Российской Федерации в части привлечения виновных к уголовной ответственности².

Кроме того, экстремистские деяния включают в себя совершение преступлений по мотивам национальной, религиозной, политической или иной ненависти или вражды (среди них такие опасные и распространенные преступления, как убийство, причинение различной тяжести вреда здоровью, хулиганство и др.). К примеру, в 2019 г. только в связи с причинением тяжкого вреда здоровью было выявлено 21 465 преступлений³.

За менее общественно опасные деяния установлена административная ответственность, например за злоупотребление свободой средств массовой информации для пропаганды экстремизма (ст. 13.15 КоАП РФ), пропаганду или публичную демонстрацию нацистской символики (20.3 КоАП РФ), изготовление экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ) и др. Данные правонарушения достаточно широко распространены.

К примеру, только за пропаганду нацистской символики в 2019 г. было привлечено 2388 чел. При этом основным видом наказания выступает административный штраф, который назначался более чем в 93 % случаев, а административный арест был назначен лишь в 6,2 % случаев⁴.

Значимым инструментом противодействия экстремистской деятельности стало введение административной преюдиции по различным составам преступлений, в частности ст. 282, 284.1, 212.1 УК РФ. Исходя из анализа данных статистики, можно сделать вывод, что введение административной преюдиции по ст. 282 УК РФ не привело к резкому росту таких преступлений. Например, если в 2018 г. за возбуждение ненависти и вражды к уголовной ответственности было привлечено 426 чел., то в 2019 г. – 19, а к административной ответственности за те же действия по ст. 20.3.1 – 383 чел.⁵ Как видно, общее число привлеченных к ответственности даже несколько снизилось.

Как уже отмечалось, базовым нормативно-правовым актом, который определяет основные средства противодействия экстремизму, является Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Однако административное законодательство также содержит широкий перечень средств противодействия экстремизму, в том числе предупреждение, выявление, пресечение и устранение факторов, способствующих реализации экстремистской деятельности. Так, одной из важных административно-правовых мер противодействия экстремизму является контроль органов юстиции за деятельностью общественных объединений, а также ведение Министерством юстиции Российской Федерации федерального списка экстремистских материалов, состоящего более чем из пяти тысяч различных литературных произведений, видео- и аудиозаписей, брошюр, газет и журналов (по состоянию на 20.05.2020, в данный список вошли 5029 материалов экстремистского характера, из которых 25 были включены уже в 2020 г.)⁶. По требованию Минюста России или органов прокуратуры судом могут быть признаны экстремистскими и отдельные организации. По состоянию на 20.05.2020, в России запрещена деятельность 76 таких организаций, из них в 2019 г. – 3, а с начала 2020 г. – 27.

Не менее важным является противодействие распространению экстремистской идеологии в информационных сетях. Данное направление приобретает особое зна-

чение в связи с повышением информатизации общества. Современные технологии стали значимым инструментом деятельности экстремистских и террористических организаций, поэтому ключевую роль играет своевременная блокировка преступного контента. Только в 2017 г. сотрудниками Роскомнадзора были заблокированы более 50 тыс. сайтов экстремистского содержания. Однако скорость распространения экстремистами информации просто огромная: одна только запрещенная организация «Исламское государство» постоянно размещает информацию на таком множестве площадок, что даже машинным методом она блокируются (вычищается) Роскомнадзором в течение полутора суток⁸. Всего же, по данным ФСБ России, в 2019 г. в сети Интернет насчитывалось более 10 тыс. сайтов практически всех действующих международных террористических структур, сотни тысяч аккаунтов в социальных сетях, где публиковались материалы на более чем 40 языках мира, прежде всего на арабском, английском и русском⁹.

Следует также отметить, что механизмы вербовки с использованием информационных технологий постоянно совершенствуются, принимая в ряде случаев завуалированные формы, что позволяет осуществлять деятельность в течение более длительного периода. Так, широкое распространение среди экстремистов получила технология геймификации, связанная с созданием игр, моделирующих преступное и антиобщественное поведение в сети (создание взрывных устройств, противодействие правоохранительным органам и т. д.), с последующим переносом выполнения «заданий» в реальный мир¹⁰. При этом используемая игровая форма ослабляет экран сознания и критическое восприятие информации потенциальными жертвами вербовщиков.

Российская Федерация активно сотрудничает в сфере противодействия экстремизму с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, а также с международными организациями, осуществляющими борьбу с экстремизмом. Запрещая деятельность общественных и религиозных объединений, иных некоммерческих организаций иностранных государств и их структурных подразделений, деятельность которых призвана экстремистской в соответствии с международно-правовыми актами и феде-

ральным законодательством, Россия вносит значимый вклад в борьбу с международным терроризмом и экстремизмом. Одним из главных направлений данной работы является разработка совместных планов и программ. Например, в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ) действуют программы сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма¹¹. Важную роль играет Анти-террористический центр стран – участников СНГ, в результате деятельности которого за 2015–2019 гг. было задержано около 200 лиц, разыскиваемых за совершение преступлений террористического характера, а также выявлено более 300 лиц, причастных к финансированию терроризма¹².

ФСИН России также ведет активную борьбу с экстремистами. Сотрудники уголовно-исполнительной системы проводят различные беседы с такой категорией осужденных, организуют встречи со священнослужителями официальных религиозных объединений, тем самым меняя их отношение к миру. Кроме того, психологами службы разрабатываются специальные психокоррекционные программы работы с осужденными за терроризм и экстремизм, а также программы психолого-педагогического воздействия на осужденных – носителей религиозных экстремистских убеждений. Во взаимодействии с представителями традиционных религиозных конфессий организована работа по направлению религиозной литературы, видеоматериалов религиозного характера, а также утвержден список исламской литературы для комплектования библиотечных фондов исправительных учреждений¹³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что деятельность органов государственной власти, направленная на борьбу с экстремизмом, носит комплексный и разнонаправленный характер и в целом достаточно эффективна, что выражается в позитивной динамике преступлений экстремистской направленности. Однако в связи с постоянным совершенствованием методов преступной деятельности, на наш взгляд, преждевременно говорить о коренном переломе ситуации и необходимо дальнейшее развитие правовых, технических, организационных и криминологических средств противодействия данному общественно опасному явлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 25.05.2020).

² См.: Собака лайка. Верховный суд России защитил граждан от уголовной ответственности за лайки и репосты. URL: <https://rg.ru/2018/09/20/vs-rf-zashchitil-grazhdan-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-lajki-i-reposty.html> (дата обращения: 27.05.2020).

³ См.: Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года.

⁴ См.: Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по форме 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.05.2020).

⁵ См.: Отчеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по форме 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2018–2019 гг. и по форме 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях» за 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 28.05.2020).

⁶ См.: Федеральный список экстремистских материалов. URL: https://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=25 (дата обращения: 28.05.2020).

⁷ См.: Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 28.05.2020).

⁸ См.: Роскомнадзор: блокировка экстремистских сайтов происходит незамедлительно. URL: <https://iz.ru/news/721856> (дата обращения: 30.05.2020).

⁹ См.: Бортников призвал к выработке единых международных правил в интернете. URL: <https://tass.ru/politika/6350868> (дата обращения: 30.05.2020).

¹⁰ См.: Меркурьев В. В., Хлопкова О. В., Клементьев А. С. Противодействие использованию технологий геймификации в террористических и экстремистских целях // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1. С. 87–95.

¹¹ См.: Программа сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма на 2017–2019 годы. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/326> (дата обращения: 30.05.2020).

¹² См.: Глава Антитеррористического центра СНГ: до 30 % боевиков возвращаются на родину. URL: <https://tass.ru/interviews/7241907> (дата обращения: 30.05.2020).

¹³ См.: Во ФСИН рассказали о работе с осужденными за терроризм и экстремизм. URL: <https://ria.ru/20181008/1530171802.html> (дата обращения: 30.05.2020).

¹ Sm.: Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'–dekabr' 2019 goda. URL: <https://mvd.rf/reports/item/19412450/> (data obrashcheniya: 25.05.2020).

² Sm.: Sobaka lajka. Verhovnyj sud Rossii zashchitil grazhdan ot ugolovnoj otvetstvennosti za lajki i reposty. URL: <https://rg.ru/2018/09/20/vs-rf-zashchitil-grazhdan-ot-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-lajki-i-reposty.html> (data obrashcheniya: 27.05.2020).

³ Sm.: Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar'–dekabr' 2019 goda.

⁴ Sm.: Otchet Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii po forme 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah» za 2019 g. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

⁵ Sm.: Otchety Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii po forme 10-a «Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» za 2018–2019 gg. i po forme 1-AP «Otchet o rabote sudov obshchej yurisdikcii po rassmotreniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah» za 2019 g. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashcheniya: 28.05.2020).

⁶ Sm.: Federal'nyj spisok ekstremistskih materialov. URL: https://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=25 (data obrashcheniya: 28.05.2020).

⁷ Sm.: Perechen' nekommercheskih organizacij, v otnoshenii kotoryh sudom prinyato vstupivshee v zakonnuyu silu reshenie o likvidacii ili zaprete deyatel'nosti po osnovaniyam, predusmotrennym FZ «O protivodejstvii ekstremistskoj deyatel'nosti». URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (data obrashcheniya: 28.05.2020).

⁸ Sm.: Roskomnadzor: blokirovka ekstremistskih sajtov proiskhodit nezamedlitel'no. URL: <https://iz.ru/news/721856> (data obrashcheniya: 30.05.2020).

⁹ Sm.: Bortnikov prizval k vyработке edinyh mezhdunarodnyh pravil v internete. URL: <https://tass.ru/politika/6350868> (data obrashcheniya: 30.05.2020).

¹⁰ Sm.: Merkur'ev V. V., Hlopkova O. V., Klement'ev A. S. Protivodejstvie ispol'zovaniyu tekhnologij gejmifikacii v terroristicheskix i ekstremistskih celyah // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2020. T. 14, № 1. S. 87–95.

¹¹ Sm.: Programma sotrudnichestva gosudarstv – uchastnikov SNG v bor'be s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma na 2017–2019 gody. URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/326> (data obrashcheniya: 30.05.2020).

¹² Sm.: Glava Antiterroristicheskogo centra SNG: do 30 % boevikov vozvrashchayutsya na rodinu. URL: <https://tass.ru/interviews/7241907> (data obrashcheniya: 30.05.2020).

¹³ Sm.: Vo FSIN rasskazali o rabote s osuzhdennymi za terrorizm i ekstremizm. URL: <https://ria.ru/20181008/1530171802.html> (data obrashcheniya: 30.05.2020).

УДК 343.8(1–87)

Особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в некоторых зарубежных странах

И. Ю. КОРЯКИН – студент 3 курса факультета психологии и права ВИПЭ ФСИН России;

Л. Л. САНТАШОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются особенности исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в таких странах, как Германия, Швейцария и Италия. Раскрываются некоторые права и обязанности осужденных, виды исправительных учреждений, меры по содействию со стороны государства в личных и экономических вопросах, социальных проблемах осужденных, готовящихся к освобождению из мест лишения свободы. Представлен опыт смягчения отбывания наказания осужденных, впервые совершивших преступление, возможность отдельного содержания осужденных в тюремных камерах, предоставление отпусков при отсутствии взысканий.

Ключевые слова: лишение свободы; исправительное учреждение; осужденный; сотрудничество с частными предпринимателями; тюрьма с режимом «полусвободы»; социальная терапия.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Features of execution imprisonment in some foreign countries

I. YU. KORYAKIN – 3rd year Student of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia;

L. L. SANTASHOVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law

The article analyzes the features of the execution of imprisonment in such countries as Germany, Switzerland and Italy. Some rights and obligations of convicts, types of correctional institutions, measures to assist the state in personal and economic matters, social problems of convicts preparing for release from places of deprivation of liberty are disclosed. The paper presents the experience of mitigating the serving of sentences of convicts who have committed a crime for the first time, the possibility of separate detention of convicts in prison cells, the provision of leaves in the absence of penalties.

Key words: imprisonment; correctional institution; convicted; cooperation with private entrepreneurs; a half-open prison; social therapy.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

В современных условиях вопрос, связанный с реформированием уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, требует особого внимания. Главными целями по реализации задач преобразования выступают достижение необходимого уров-

ня гуманизма, улучшение условий содержания осужденных и имплементация международных стандартов отбывания наказания в российское пенитенциарное законодательство.

Из всех зарубежных государств наибольший интерес для российской пенитенциарной системы представляет Германия. На примере федеральной земли Бавария можно выделить такие особенности, как обязанность осужденных работать, возможность освобождения от работы лишь по уважительной причине (болезнь, препятствующая трудовой деятельности, достижение определенного возраста), а также профессиональная подготовка и переподготовка осужденных. Осужденные к лишению свободы осуществляют трудовую деятельность в цехах и мастерских, являющихся собственностью исправительного учреждения, на частном производстве в пределах территории тюрьмы. В некоторых случаях возможно трудоустройство за пределами исправительного учреждения под надзором и без такового¹.

Администрация исправительного учреждения сотрудничает с частными предпринимателями, предоставляя оборудованные рабочие места, что расширяет возможности трудоустройства осужденных. Мастерские и цеха при исправительных учреждениях выступают партнерами промышленного и ремесленного производства и являются одной из составляющей внутренней экономики страны. Особый интерес для российской пенитенциарной системы представляет внедрение частного бизнеса в деятельность исправительных учреждений в условиях современной рыночной экономики. Согласно исследованию В. И. Селиверстова, идею привлечения бизнес-структур в промышленный сектор исправительного учреждения поддерживают 19,8 % представителей правозащитных организаций и 10,7 % сотрудников ФСИН России².

Заслуживает особого внимания применение на практике смешанной социальной терапии, предполагающей широкое применение психотерапевтической, педагогической, а также трудовой терапии. Данная мера воздействия в основном направлена на осужденных, отбывающих наказания за совершение преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности. Опыт Баварии показал, что эта мера является действенной и позволяет снизить опасность рецидива³.

Кроме того, совместное размещение осужденных-наркоманов с другими осуж-

денными наиболее успешно решает проблему лечения. Особую роль в лечении играет сотрудничество исправительного учреждения с лечебными учреждениями и консультациями, находящимися за пределами исправительного учреждения. Основная цель деятельности медицинских специалистов – консультирование и лечение осужденных с наркотической зависимостью.

В Российской Федерации функционируют лечебно-исправительные учреждения для осужденных, больных наркоманией и страдающих алкоголизмом. Реабилитация таких осужденных осуществляется с привлечением психологов, однако необходимы специалисты более узкой направленности – наркологи и психиатры, которых нет в штатной численности исправительного учреждения, что препятствует достижению поставленной цели.

При освобождении осужденному предоставляются консультации по личным и экономическим вопросам, социальным проблемам, оказывается помощь в поиске работы, жилья квалифицированными социальными работниками исправительных учреждений. Исправительные учреждения Германии тесно сотрудничают с общественными и благотворительными организациями, объединениями, деятельность которых специализируется на оказании помощи осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы.

Лишение свободы в Швейцарии исполняется в тюрьмах двух видов – открытого и закрытого. Тюрьмы открытого типа предназначены для отбывания наказания лиц, осужденных впервые, они отличаются тем, что территория учреждения обозначена лишь условно, отсутствуют внешние ограждения. Осужденные с согласия начальника тюрьмы и при отсутствии взысканий имеют право работать за пределами исправительного учреждения. Срок назначенного наказания не влияет на вид режима внутри тюрьмы: осужденные как с малыми, так и с большими сроками, впервые совершившие преступления, содержатся в одном исправительном учреждении.

В закрытых тюрьмах содержатся, как правило, рецидивисты, их доля составляет более 20 % от общего числа осужденных. В них предусмотрены инженерно-технические средства охраны, и осужденные не вправе выходить за пределы учреждения.

При использовании тюрем в качестве следственных изоляторов, что является частой практикой в Швейцарии⁴, осужденные

и подследственные содержатся раздельно. На каждого осужденного полагается отдельная камера площадью от 6 до 16 кв. м. В дневное время осужденные имеют право свободно передвигаться по территории тюрьмы. Камеры осужденных закрываются только на ночь. Обязанность трудиться возложена на всех заключенных, в том числе на лиц, достигших пенсионного возраста. Часть заработной платы зачисляется на лицевой счет осужденного, однако больший ее процент идет на финансирование тюрьмы. Отказ от работы считается нарушением режима содержания и влечет за собой применение мер дисциплинарного воздействия.

Право на отпуск предоставляется, если осужденный трудится и не имеет дисциплинарных взысканий. В тюрьмах закрытого типа отпуск дается два раза в месяц на 58 часов, а в тюрьмах открытого типа – с вечера пятницы на 54 часа⁵. Осужденные имеют право на два свидания продолжительностью четыре часа каждый месяц.

В целях предупреждения распространения различного рода заболеваний администрация исправительных учреждений устанавливает специальные автоматы, где заключенные могут поменять использованный шприц на стерильный. Осужденный, нарушающий режим отбывания наказания, может быть помещен в дисциплинарный изолятор сроком до 10 суток.

На условно-досрочное освобождение имеют право осужденные, имеющие безупречное поведение и отбывшие $\frac{2}{3}$ назначенного срока наказания. Решение об условно-досрочном освобождении принимают департамент юстиции и полиции того кантона, на территории которого находится тюрьма.

Несовершеннолетние в возрасте от 10 до 18 лет отбывают наказание в виде лишения свободы в воспитательных домах. На каждого несовершеннолетнего приходится по одному воспитателю.

Отбывание наказания у лиц, страдающих психическими расстройствами, наркоманией, токсикоманией и алкоголизмом, осуществляется также в аналогичных тюрьмах закрытого типа. Основное отличие заключается в применении широкого спектра медицинских, психологических и психиатрических средств, главной целью которых выступает реабилитация заключенного.

Исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в Италии также обладает рядом особенностей, отличающихся от си-

стемы исполнения наказаний Российской Федерации:

- срок лишения свободы составляет от 15 дней до 24 лет;

- обязанность трудиться возлагается на всех осужденных;

- осужденные к лишению свободы отбывают наказание в тюрьмах трех видов: с режимом «полусвободы» (*semiliberta*), открытого типа, закрытого типа.

Кроме того, по отбытии одного года лишения свободы у осужденного возникает право трудоустроиться за пределами пенитенциарного учреждения. Еще одной немаловажной особенностью является средняя продолжительность пребывания осужденных в тюрьмах, которая не превышает одного года.

В тюрьмах с режимом «полусвободы» отбывают наказание осужденные за менее тяжкие преступления, которые не представляют опасности для персонала, других осужденных и общества в частности, а также те, кому в соответствии с законом не могло быть назначено наказание без изоляции от общества или иная мера уголовно-правового характера⁶.

Вместе с этим в качестве поощрения сюда могут быть переведены осужденные из исправительных учреждений более строгого вида. Существует обязанность осужденных участвовать в мероприятиях воспитательного и социального характера.

Для снижения уровня рецидивной преступности, сохранения социальных связей осужденных, их реинтеграции в обществе, а также сокращения числа осужденных и сокращения содержания пенитенциарной системы в Италии широко применяют систему мер наказаний, альтернативных лишению свободы, в частности штрафов и превентивных мер.

Еще одной особенностью является применение мер безопасности. Если наказание за совершение преступления в виде лишения свободы не менее десяти лет, то минимальный срок меры безопасности устанавливается в пять лет. Это правило применяется и к лицам от 14 до 18 лет, оправданным по причине возраста, если они совершили деяние, обладающее всеми признаками уголовного преступления⁷.

Таким образом, анализируя зарубежный опыт Германии, Швейцарии, Италии, можно сделать вывод, что особый интерес для российской пенитенциарной системы представляют внедрение частного бизнеса в деятельность исправительных учреж-

дений в условиях современной рыночной экономики, социальная терапия как важная мера реабилитации осужденных, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы и страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, а также расширение применения наказаний без изоляции осужденного от общества. Подготовка осужденных к освобождению, помощь

в трудоустройстве, решение социальных проблем, сотрудничество пенитенциарных учреждений с различного рода общественными организациями и объединениями, деятельность которых основывается на помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы, главным образом способствует ускорению процесса ресоциализации осужденных в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гришко А. Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии (на примере федеральной земле Бавария) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 4. С. 29.

² См.: Селиверстов В. И. Социальная адаптация лиц, освобожденных из исправительных учреждений, в оценке общественного, правозащитного и профессионального мнения // Пенитенциар. наука. 2020. Т. 14, № 1. С. 63.

³ См.: Гришко А. Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии (на примере федеральной земле Бавария). С. 35.

⁴ См.: Батычко В. Т. Уголовно-исполнительное право : курс лекций. Таганрог, 2007. С. 81.

⁵ См.: Там же. С. 82.

⁶ См.: Борсученко С. А. Особенности назначения и исполнения наказаний по законодательству Италии // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2017. С. 26.

⁷ См.: Там же. С. 27.

¹ Sm.: Grishko A. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v Germanii (na primere federal'noj zemle Bavariya) // Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy. 2010. № 4. S. 29.

² Sm.: Seliverstov V. I. Social'naya adaptatsiya lic, osvobozhdennyh iz ispravitel'nyh uchrezhdenij, v ocenke obshchestvennogo, pravozashchitnogo i professional'nogo mneniya // Penitenciar. nauka. 2020. T. 14, № 1. S. 63.

³ Sm.: Grishko A. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya svobody v Germanii (na primere federal'noj zemle Bavariya). S. 35.

⁴ Sm.: Batychko V. T. Ugovovno-ispolnitel'noe pravo : kurs lekcij. Taganrog, 2007. S. 81.

⁵ Sm.: Tam zhe. S. 82.

⁶ Sm.: Borsuchenko S. A. Osobennosti naznacheniya i ispolneniya nakazaniy po zakonodatel'stvu Italii // Vestn. Samar. yurid. in-ta. 2017. S. 26.

⁷ Sm.: Tam zhe. S. 27.

Правовая политика в отношении женщин – жертв преступлений

Е. В. КУНЦ – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В современном мире все чаще ущемление прав женщин становится предметом научных дискуссий. Негативное воздействие внешних факторов на женщину обуславливает изменение ее внутреннего состояния, что в ряде случаев приводит к тому, что она выступает в роли жертвы, потерпевшей. С точки зрения виктимологии это создает проблемы как для самой женщины, так и для окружающих. В настоящее время среди ученых активно обсуждается Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (принята резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи от 02.12.1949). В частности, это касается женщин и детей, а также возможности усиления наказания за данные преступления в национальном законодательстве.

Ключевые слова: женщина; жертва; насилие; дискриминация; гендер; предупреждение; политика.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Legal policy for women – victims of crime

E. V. KUNTS – Leading Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor

In today's world the violation of women's rights is increasingly becoming the subject of scientific debate. The negative impact of external factors on women causes a change in her internal state, which in some cases leads to the fact that she acts as the victim, the sufferer. From the point of view of victimology this creates problems both for the woman herself and for those around her. Currently the Convention on the Suppression of the Trafficking in Persons and on the Exploitation of the Prostitution of Third Parties (adopted by General Assembly resolution 317 (IV) of December 2, 1949) is actively discussed among scientists. In particular, this applies to women and children, as well as the possibility of increasing the punishment for these crimes in national legislation.

Key words: woman; victim; violence; discrimination; gender; warning, policy.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

Женщины и дети особенно уязвимы перед организованными преступными сообществами, занимающимися торговлей людьми, детьми, проявляющими в отношении них неравенство, дискриминацию, насилие, и являются объектом их пристального внимания. Человек объективно рождается либо с мужским, либо с женским началом. Из 6 млрд человек, живущих на Земле, 53 % составляют женщины и 47 % мужчины¹. Советское государство принци-

пиально было построено на социально-экономической основе и впервые в истории попыталось создать нового – «советского» – человека. Правовое положение советских женщин определяло особую роль женщины в обществе в формате своеобразного договора, согласно которому женщина была матерью, воспитывающей будущих членов общества, и эффективным работником на производстве. Одновременно, несмотря на декларируемое равенство мужчин и жен-

щин, как в обществе, так и в законодательстве наблюдалась явная гендерная диспропорция. Несмотря на нормы отечественного российского семейного законодательства, устанавливающего равенство супругов и моногамный брак, в национальных республиках, в которых преобладает в качестве основной религии ислам, наблюдается увеличение количества полигамных браков, заключаемых по религиозному обряду и не имеющих правовой защиты. В целом в стране отмечалось усиление патриархальных настроений и восстановление социальных и культурных моделей поведения, основанных на идее превосходства одного пола над другим. Современное законодательство стоит на прежних позициях равенства, не учитывая изменение института семьи и появление семей разных типов. В результате формальные нормы законодательства и те правила, по которым живет общество, начинают расходиться, не обеспечивая должной правовой защиты. Несмотря на декларируемое равенство все чаще наблюдается гендерное неравенство, которое наиболее усиливается в патриархальных обществах.

Различные формы проявления насилия в отношении женщин включают в себя их эксплуатацию как в сексуальном, так и в трудовом отношении через имеющиеся преступные организации. Именно ликвидация подобных форм насилия является основной задачей типовых стратегий и практических мер по искоренению насилия в отношении женщин в области предупреждения преступности и уголовного правосудия.

Что следует понимать под сексуальным домогательством, остается предметом научных дискуссий в настоящее время. Чаще всего речь идет о дискриминации. И если в том, что «мужчина – человек», уверены почти все, то контекст, в котором слова «женщина» и «человек» не синонимичны, по-прежнему встречается часто. В российском законодательстве не закреплено понятие «сексуальное домогательство», а в законах других стран оно трактуется по-разному. Определение данному понятию дала Международная организация труда: «это поведение, продиктованное сексуальными мотивами, которое является нежелательным или оскорбительным для объекта такого поведения»². Сексуальное домогательство по отношению к женщинам происходило на протяжении многих веков, и связано это с тем, что девушки всегда смиренно принимали любое отношение к себе. Женщины молчат о домогательствах, понимая, что это

бесполезно: доказательства предоставить невозможно, уголовные дела не возбуждаются, а полиция не реагирует на обращения, потому что нет состава преступления.

Преобладание гендерных стереотипов, посредством которых объясняется имеющееся социальное неравенство по признаку пола, приводит к тому, что в настоящее время в большинстве стран значительное число женщин остаются невостребованными. Достижение определенного социального статуса в обществе связано с реальными возможностями роста. Однако практически все женщины вынуждены прикладывать больше усилий, чем мужчины, так как существует ряд особенностей их карьеры, которые до недавнего времени не учитывались при исследовании условий труда. К сожалению, будет неправильным сказать, что место, занимаемое в российском обществе женщинами, соответствует их реальным возможностям или хотя бы декларациям новых политических общественных сил. Социальный статус женщины в условиях реформирования российского общества противоречив, что нашло выражение, с одной стороны, в появлении возможности реализовать свои карьерные притязания в такой сфере общественной жизни, как предпринимательство (менее успешно – в политике), а с другой – наряду с усилением сегрегации и дискриминации женщин в некоторых областях экономики, в увеличении занятости в неформальной экономике³. Нарастание непонимания между Россией и другими странами Европы и США как на политическом, так и на культурном уровне объясняется также недостатком или наличием искаженной информации о гендерном равенстве на различных уровнях.

Современная женщина имеет большие социальные, экономические, социально-психологические возможности, реализовать которые она все же не может по объективным причинам. На международных конференциях, проводимых Организацией Объединенных Наций и посвященных рассматриваемой проблеме, противоречиво подчеркивалось, что насилие в любых формах приводит к уничтожению путей, направленных на улучшение правового положения женщин и реализации ими основных прав и свобод, и нарушает их права человека. Имеющаяся система правосудия призвана совершенствовать меры реагирования на преступные действия, жертвами которых становятся женщины и дети, с точки зрения профилактики и предупреждения преступлений в отношении женщин, их дискрими-

нации. Система уголовного правосудия призвана играть ключевую роль в обеспечении безопасности и охраны здоровья женщин и устранении препятствий, которые следует рассматривать в качестве невидимых барьеров на пути к их освобождению от преступного влияния, дискриминации.

Одним из значимых вопросов является обеспечение безопасности женщин и девочек в общественных местах, чтобы они могли реализовывать свой потенциал на основе равных возможностей и осуществлять свои права и свободы. В связи с этим чрезвычайно важно с точки зрения выработки политики и принятия решений, а также обеспечения практических мер осознание того, что между причинами и следствиями виктимизации, с одной стороны, и насущными нуждами женщин как потенциальных жертв, с другой, существует тесная взаимосвязь. В данных условиях наибольшую эффективность дают проводимые в обществе просветительские кампании, имеющие сильную и четкую антинасиловственную направленность, в сочетании с мерами профилактики на уровне государства, в том числе в семьях и школах. Значительную часть таких усилий составляют надлежащее образование, общение и воспитание детей, а также создание системы поддержки, консультирования и реагирования.

Исследования показывают, что женщины и девочки, совершившие преступления, нередко до этого становились жертвами преступлений. Надругательство над женщиной в семье может вынудить ее покинуть дом и связать свою судьбу с жизнью на улице. Женщины, которые превратились в нелегальных мигрантов, могут оказаться в таком положении, когда они будут вынуждены пойти на дальнейшее нарушение закона с

тем, чтобы избежать депортации. Женщин, ставших объектом торговли людьми, могут заставить физически или психологически, под любым предлогом или путем обмана заниматься проституцией. Попытки таких жертв воспротивиться насилию и эксплуатации или защитить себя от издевательств со стороны членов семьи, близких, друзей, спонсоров или работодателей, как правило, приводят к тому, что эти жертвы совершают новые преступления. Необходимо основное внимание сосредоточить на причинах такого положения. Большинство жертв, несмотря на попытки противостоять надругательствам, ничего не сообщают о них в соответствующие органы. Удалось установить факторы, в том числе культурные особенности, способствующие тому, что жертвы не сообщают о своем положении. Все женщины, подвергшиеся злоупотреблениям, встречаются с огромными жизненными трудностями, такими как угрозы в их адрес со стороны преступников, существование преобладающих или стойких стереотипов или понятий, позволяющих преуменьшать или оправдывать случаи виктимизации, и отсутствие доверия к органам юстиции или бездействие этих органов. Женщины-мигранты испытывают особые сложности, в частности невозможность общаться с другими, отсутствие информации о процессуальных нормах и дискриминация, которые могут усугубляться по причине отсутствия у них некоторых юридических прав из-за их нелегального статуса. Кроме того, они могут не получать помощи или поддержки от страны происхождения или принимающей страны. Услуги по оказанию поддержки могут не отвечать тем обстоятельствам, в которых оказались эти женщины, и их потребностям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Антонов А. И. Лекции по демографии. М., 2011. С. 261.

² Почему жертвы сексуальных домогательств в России «сами виноваты». URL: <https://ura.news/articles/1036279838> (дата обращения: 12.03.2020).

³ См.: Галиакбарова Н. Р. Статус и карьера женщины в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2003. С. 3–4.

¹ Sm.: Antonov A. I. Lekcii po demografii. M., 2011. S. 261.

² Pochemu zhertvy seksual'nyh domogatel'stv v Rossii «sami vinovaty». URL: <https://ura.news/articles/1036279838> (data obrashcheniya: 12.03.2020).

³ Sm.: Galiakbarova N. R. Status i kar'era zhenshchiny v sovremennom rossijskom obshchestve : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Penza, 2003. S. 3–4.

Практика назначения принудительных работ как вида уголовного наказания

Н. С. МИСЮРЕВА – ветеран уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

В статье анализируются судебная практика и статистические данные применения принудительных работ как вида уголовного наказания, определен ряд существующих проблем в указанной сфере и предложены пути их решения. Принудительные работы, являясь альтернативой лишению свободы, представляют собой перспективный вид наказания, в связи с чем важное значение имеет устранение проблем, возникающих в процессе назначения и исполнения данного вида уголовного наказания. Проанализировав уголовное законодательство и судебную практику, автор приходит к выводу о целесообразности создания исправительных центров двух видов, в которых следует предусмотреть раздельное содержание осужденных в зависимости от степени опасности и криминальной зараженности. Кроме того, необходимо принятие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам назначения наказания в виде принудительных работ.

Ключевые слова: исправительные центры; принудительные работы; осужденный; альтернатива лишению свободы; исправление.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

The practice of imposition compulsory labor as a form of criminal punishment

N. S. MISYUREVA – Veteran of the penal system of the Russian Federation

The article analyzes judicial practice and statistics on the use of compulsory labor as a form of criminal punishment, identifies a number of existing problems in this area and suggests ways to solve them. Compulsory labor as an alternative to imprisonment is a promising form of punishment, in connection with which the elimination of problems arising in the process of the appointment and execution of this type of criminal punishment is important. After analyzing the criminal law and judicial practice the author comes to the conclusion that it is advisable to create correctional centers of two types, which should provide for separate detention of prisoners depending on the degree of danger and criminal infection. In addition it is necessary to adopt clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on issues of sentencing in the form of compulsory labor.

Key words: correctional centers; compulsory labor; convicted person; alternative to imprisonment; correction.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

Российская Федерация непрерывно находится в процессе преобразования, совершенствования различных сфер жизнедеятельности. Не являются исключением и столь важные направления деятельности государства, как назначение и исполнение уголовных наказаний, которые, безусловно, взаимосвязаны друг с другом. Находясь на пути гуманизации системы исполнения уго-

ловных наказаний, законодатель принимает новые решения. Одним из них стало введение в 2011 г. в УК РФ принудительных работ. Следует отметить, что назначение данного вида уголовного наказания длительный период откладывалось и стало возможно лишь с 1 января 2017 г. Причиной этому явилось отсутствие в уголовно-исполнительной системе учреждений, которые могли бы испол-

нять принудительные работы. С появлением исправительных центров (участков, функционирующих как исправительные центры, созданных на территории исправительных учреждений)¹ суды получили возможность привести норму в действие и стали назначать данный вид наказания как альтернативу лишению свободы, а также производить замену неотбытой части наказания в виде лишения свободы.

Так, за 2017 г. в России судами было вынесено 523 решения с назначением в качестве наказания принудительных работ², в 2018 г. – 1030³, в 2019 г. – 1406⁴.

Принудительные работы как санкция были введены в более 200 статей УК РФ, что отразилось на практике их назначения. Анализ данных статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019 г. свидетельствует о достаточно широком спектре применения рассматриваемого вида наказания. В частности, за преступления, предусмотренные 13 главами УК РФ, суды сочли возможным назначить именно принудительные работы как альтернативу лишению свободы. Однако наметилась некоторая тенденция применения данной санкции: наибольшее количество решений связано с избранием рассматриваемого наказания за совершение преступлений, предусмотренных гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности» (ст. 158–168 УК РФ) – 581 приговор, гл. 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» (ст. 150–157 УК РФ) – 315, гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (ст. 263–271.1 УК РФ) – 246, гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» (ст. 105–125 УК РФ) – 94⁵.

Следует отметить, что криминологическая характеристика личности преступников, которым назначаются принудительные работы, значительно разнится в силу многообразия составов преступлений, за которые они осуждаются. Кроме того, рассматриваемый вид наказания суды применяют с целью замены неотбытой части лишения свободы, причем законодатель определяет возможность такой замены даже при отсутствии в санкции статьи, по которой осужден человек, принудительных работ как вида наказания. При этом исполняют данный вид наказания исправительные центры, в которых не предусмотрено какое-либо раздельное содержание осужденных в зависимости от категории (ранее судимые, по видам совершенных преступлений и т. д.). Все это

создает предпосылки для возникновения определенных проблем при исполнении принудительных работ: совершаются преступления на территории исправительных центров, особенно лицами, ранее отбывавшими лишение свободы, происходит криминальное заражение впервые осужденных и др. Безусловно, данная проблема больше касается вопросов исполнения, а не назначения наказания, вместе с тем именно суд в своем решении определяет вид учреждения, в котором осужденный будет отбывать наказание. Также вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний не могут восприниматься обособленно: процессы, происходящие в одном направлении деятельности государства, несомненно, оказывают влияние на другие. При отсутствии эффективности существующих уголовных наказаний нет смысла вводить новые виды.

Относительно непродолжительный период назначения принудительных работ как вида уголовного наказания показал ряд проблем их применения. Как определил законодатель, данный вид наказания суд назначает тогда, когда придет к выводу, что исправление осужденного возможно без реального отбывания лишения свободы. И здесь, на наш взгляд, возникает вопрос, а каковы же критерии определения судом возможности исправления осужденного без отбывания лишения свободы? Причем в своем постановлении Пленум Верховного Суда Российской Федерации⁶ закрепил обязанность судов указывать в решении мотивы, по которым суд пришел к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания лишения свободы.

Исправление осужденного предполагает формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, то есть это определенный процесс, который должен кем-то осуществляться. В случае назначения принудительных работ субъектом исправления осужденного будет выступать администрация исправительного центра. И здесь возникает проблема средств, которые будут использоваться в процессе исправления, и их характеристик. Так как принудительные работы предполагают отбывание наказания посредством организации трудовой деятельности осужденных, законодатель установил запрет их назначения инвалидам 1 и 2 группы, беременным женщинам, несовершеннолетним, женщинам, имеющим детей в возрасте до

трех лет, а также женщинам, достигшим возраста 55 лет, и мужчинам старше 60 лет. В отношении последней категории осужденных встает вопрос, так как в настоящий момент в Российской Федерации проводится пенсионная реформа: возраст, достижение которого дает право выхода на пенсию, повышается, а следовательно, указанная норма уже не может рассматриваться как состоятельная, поскольку она вводилась именно по признаку пенсионного возраста.

Также в практической деятельности исполнительных центров возможны случаи, когда прибывают беременные женщины, которые на момент вынесения решения судом не знали о беременности, что создает препятствия при исполнении наказания. Такая ситуация предполагает необходимость обязательного сбора данных о состоянии здоровья подсудимого при принятии судом решения о назначении наказания и вызывает ряд проблем, если к подозреваемому, обвиняемому не применялась мера пресечения в виде содержания под стражей. В следственном изоляторе подозреваемые, обвиняемые в обязательном порядке проходят регулярное медицинское обследование. В настоящий момент данный вопрос по-прежнему остается довольно сложным, так как даже сбор сведений о состоянии здоровья, в частности об отсутствии беременности у подозреваемой, обвиняемой в ходе предварительного расследования, не может гарантировать, что она не окажется беременной на момент вынесения приговора ввиду длительности процесса рассмотрения дела в суде.

Важным аспектом при определении возможности исправления осужденного без реального отбывания лишения свободы является характеристика его личности. В этом случае в судебной практике могут возникнуть некоторые проблемы, на наш взгляд связанные с достоверностью и полнотой таких данных. Получить сведения, характеризующие личность, суд может из характеристик с места работы, учебы, данных, собранных в ходе предварительного расследования преступления. Однако, во-первых, они могут быть формальными, а во-вторых, законодатель не определяет, какие именно данные указывают на то, что лицо может исправиться и вне мест лишения свободы. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что судьи в своих решениях не дают четкого указания на мотивы назначения наказания в виде принудительных работ либо эти мотивы довольно противоречивы. Так,

например, мировой судья Северодвинского судебного района Архангельской области А. А. Егоров приговорил гражданина Ф. к принудительным работам на срок шесть месяцев за совершение преступления по ст. 264.1 УК РФ, который ранее уже был судим за аналогичное преступление, отбыл назначенное ему основное наказание в виде обязательных работ. Новое преступление он совершил, не отбыв дополнительного наказания в виде лишения права заниматься определенной деятельностью, в частности управлять транспортным средством. Гражданин Ф. не работает, несовершеннолетних детей на иждивении не имеет, инвалидом не является, привлекался к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, а в числе смягчающих обстоятельств судья указывает на явку с повинной и помощь в расследовании преступления. Неясно, по какой причине судья посчитал возможным исправление гражданина Ф. без отбывания лишения свободы, нигде не работающего, повторно совершившего аналогичное преступление, который ранее привлекался за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения к административной ответственности, а также почему считается явкой с повинной задержание на месте преступления сотрудниками полиции, а не добровольное обращение в правоохранительные органы и сообщение о совершенном им противоправном деянии?⁷

В числе положительных примеров обоснованности вынесения приговора судом с назначением наказания в виде принудительных работ можно привести решение по факту осуждения гражданина К., признанного виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ. Мотивами принятия решения судом о назначении гражданину К. принудительных работ как альтернативы лишению свободы стало отсутствие у него судимостей, административной ответственности за правонарушения против общественного порядка, наличие на иждивении двух малолетних детей, супруги, для которых он является единственным кормильцем, а также частичное добровольное возмещение ущерба и признание вины. В этом случае, действительно, становится ясным, почему суд избирает именно принудительные работы в качестве наказания, не создавая предпосылок для дальнейшего криминального заражения осужденного в местах лишения свободы, не

лишая его семью единственным кормильца, о чем также свидетельствует и минимально возможный процент удержаний из дохода, который был определен судом для гражданина К. – 5 %⁸.

Таким образом, рассмотрены некоторые особенности практики назначения принудительных работ как вида уголовного наказания. Следует отметить, что в силу довольно незначительного периода времени применения данного инструмента карательного воздействия в современной России существует ряд проблем как правового, так и практического характера, решение которых позволит привести к единообразию судебную практику применения принудительных работ, а также повысить эффективность исполнения указанного вида наказания, достичь целей его назначения.

Для недопущения криминального заражения лиц, впервые совершивших преступление, от осужденных, ранее отбывавших уголовное наказание, в том числе в виде лишения свободы, представляется целесообразным предусмотреть в системе учреждений, исполняющих уголовные наказания, два вида исправительных центров, которые могли бы обеспечить раздельное содержание осужденных в зависимости от степени опасности и криминальной зараженности. Решение данной проблемы также

возможно путем создания изолированных участков на территории исправительных центров для раздельного содержания впервые осужденных от неоднократно судимых.

Одной из категорий лиц, которым не может быть назначено наказание в виде принудительных работ, являются женщины, достигшие возраста 55 лет, и мужчины старше 60 лет. Указанное ограничение идет в разрез с проводимой в Российской Федерации пенсионной реформой. В связи с этим представляется целесообразным данную норму изменить, установив, например, запрет на назначение рассматриваемого наказания лицам, которые достигли возраста, дающего право на пенсию по старости.

На сегодняшний день законодатель четко не определяет перечень критериев, которыми должны руководствоваться суды, назначая принудительные работы, при принятии решения о возможности исправления осужденного без реального отбывания лишения свободы. На наш взгляд, устранить существующие в судебной практике разногласия по этому вопросу позволит более детальная регламентация, разъяснение Пленумом Верховного Суда Российской Федерации мотивов, на которые должен ссылаться суд при решении вопроса замены лишения свободы на принудительные работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: О создании изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и внесении изменений в уставы Федеральных казенных учреждений, подчиненных территориальным органам Федеральной службы исполнения наказаний : приказ Минюста России от 14.12.2018 № 1306. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовных наказаний. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 29.04.2020).

³ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовных наказаний. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 29.04.2020).

⁴ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовных наказаний. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 29.04.2020).

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) // Рос. газ. 2015. 29 дек.; 2018. 26 дек.

⁷ См.: Приговор от 17.04.2017 по делу № 1-9/2017 // Арх. судеб. участка № 4 Северодвин. судеб. р-на Архангельской обл. за 2017 г.

⁸ См.: Приговор от 27.02.2018 по делу № 1-9/2018 // Арх. Дзерж. район. суда г. Нижний Тагил Свердлов. обл. за 2018 г.

¹ Sm.: O sozdanii izolirovannyh uchastkov, funkcioniruyushchih kak ispravitel'nye centry, pri ispravitel'nyh uchrezhdeniyah ugotovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v ustavy Federal'nyh kazennyh uchrezhdenij, podchinennyh territorial'nym organam Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy : prikaz Minyusta Rossii ot 14.12.2018 № 1306. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

² Sm.: Otchet o chisle privlechennyh k ugotovnoj otvetstvennosti i vidah ugotovnyh nakazaniy. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (data obrashcheniya: 29.04.2020).

³ Sm.: Otchet o chisle privlechennyh k ugotovnoj otvetstvennosti i vidah ugotovnyh nakazaniy. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (data obrashcheniya: 29.04.2020).

⁴ Sm.: Otchet o chisle privlechennyh k ugotovnoj otvetstvennosti i vidah ugotovnyh nakazaniy. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (data obrashcheniya: 29.04.2020).

⁵ Sm.: Tam zhe.

⁶ Sm.: O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugolovnogo nakazaniya : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 22.12.2015 № 58 (red. ot 18.12.2018) // Ros. gaz. 2015. 29 dek.; 2018. 26 dek.

⁷ Sm.: Prigovor ot 17.04.2017 po delu № 1-9/2017 // Arh. sudeb. uchastka № 4 Severodvin. sudeb. r-na Arhangel'skoj obl. za 2017 g.

⁸ Sm.: Prigovor ot 27.02.2018 po delu № 1-9/2018 // Arh. Dzerzh. rajon. suda g. Nizhnij Tagil Sverdlov. obl. za 2018 g.

УДК 343.3

Анализ субъективной стороны отдельных преступлений в области инновационной деятельности

В. Н. НЕКРАСОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В данной работе автор попытался рассмотреть актуальные вопросы субъективной стороны отдельных преступлений в области инновационной деятельности. В работе исследованы преимущественно преступления в области вредоносного вида указанной деятельности. Автором представлены результаты анкетирования лиц, осужденных за преступления в сфере инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная деятельность; преступление; субъективная сторона преступления.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Analysis of the subjective side of individual crimes in the field of innovation

V. N. NEKRASOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law

In this paper the author tried to consider the topical issues of the subjective side of individual crimes in the field of innovation. The research investigates mainly crimes in the field of the harmful type of specified activity. The author presents the results of a survey of persons convicted of crimes in the field of innovation.

Key words: innovative activity; crime; subjective side of crime.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

Субъективная сторона преступления является наиболее сложно устанавливаемым признаком преступления, поскольку охватывает сознательно-волевою и эмоциональную сферы преступного деяния, в результате чего в юридической практике нередко возникают ошибки в квалификации указанного элемента состава преступления.

Традиционно субъективная сторона преступления связывалась с психологическим отношением лица к совершенному деянию. В юридической науке она обозначалась такими понятиями, как вина, виновность, внутренняя сторона или решимость на совершение преступного деяния, которые, как правило, рассматривались как синонимы. Так, по мнению Н. С. Таганцева, понятие

преступного деяния включает в себя «два момента: внешний – воспрещенное законом посягательство, и внутренний – виновность или преступную волю»¹. В свою очередь Н. Д. Сергаевский отмечал, что условия преступности, лежащие в действии, могут заключаться в его внутренней стороне, «то есть в тех субъективных настроениях, которые движут поступками человека»². До 60-х гг. XX в. обычным делом для ученых было рассмотрение субъективной стороны преступления и вины как синонимов, в связи с чем последняя рассматривалась как единственный признак субъективной стороны³.

И только во второй половине XX в. понимание субъективной стороны начинает обоснованно рассматриваться как более

сложное, многогранное и многоаспектное явление. В частности, субъективная сторона преступления начинает связываться с психической деятельностью лица, которая в свою очередь включает интеллектуальные, волевые и эмоциональные процессы. Иными словами, в содержание субъективной стороны преступления наряду с виной включаются мотив, цель и эмоции. Как верно отмечает А. И. Рарог, «отождествление вины с субъективной стороной преступления с теоретических позиций представляется неосновательным, а с практической точки зрения – неприемлемым»⁴. Действительно, субъективную сторону преступления на сегодняшний день следует рассматривать, во-первых, как внутреннюю составляющую, психологическую сущность преступления, во-вторых, как комплексную категорию в совокупности и взаимосвязи с другими элементами состава преступления. Вместе с тем следует отметить, что порой предпринимаются попытки возврата к прежнему пониманию субъективной стороны преступления и отождествлению ее с виной⁵.

Несмотря на понимание большинством как ученых, так и практиков содержания субъективной стороны преступления, на практике при квалификации ее применительно к конкретной ситуации возникают серьезные проблемы. В частности, спорными являются вопросы определения вины, в том числе ее форм, мотивов преступного деяния, уголовно-правовых ошибок, а также влияния эмоционального состояния лица на процесс совершения преступления. Все более актуальными становятся вопросы установления вины в отношении противоправных деяний, совершаемых юридическими лицами. В полной мере отмеченные проблемные вопросы характерны и для обособленной группы общественно опасных деяний, а именно преступлений в сфере инновационной деятельности.

Обратимся к анализу особенностей субъективной стороны группы норм, связанных с незаконным осуществлением и использованием результатов вредоносной инновационной деятельности (ст. 187, 189, 220, 221, 223, 223.1, 226.1, 228, 228.1, 228.4, 234.1, 273, 355 УК РФ). Указанные преступления следует разделить на две группы: деяния, совершаемые умышленно, и деяния, совершение которых возможно и по неосторожности. Исходя из самой формулировки критерия объединения перечисленных составов преступлений («осуществление и использование»), можно предположить, что большую

часть анализируемых преступлений можно совершить в форме умысла. В частности, перечисленные в статьях уголовного кодекса следующие активные целенаправленные действия можно совершить лишь умышленно:

- незаконные экспорт, передача либо незаконное оказание услуг (ст. 189 УК РФ);
- незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение (ст. 220 УК РФ);
- хищение либо вымогательство (ст. 221 УК РФ);
- незаконные изготовление, переделка или ремонт (ст. 223, 223.1 УК РФ);
- контрабанда (ст. 226.1 УК РФ);
- незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка (ст. 228 УК РФ);
- незаконные производство, сбыт или пересылка (ст. 228.1, 228.4 УК РФ);
- незаконные производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, ввоз в целях сбыта, а равно незаконный сбыт (ст. 234.1 УК РФ);
- создание, распространение или использование (ст. 273 УК РФ);
- разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт (ст. 355 УК РФ).

Действительно, перечисленные деяния представляют собой активные целенаправленные действия, когда лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, желает либо сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично. Более того, большая часть перечисленных преступлений на практике совершается с прямым умыслом. Сложно спорить с тем, что, когда лицо незаконно создает предмет, обладающий признаками общественно опасной инновации, например оружие массового поражения, оно не желает наступления общественно опасных последствий. Более того, в части из отмеченных действий указана обязательная цель – сбыт. В этой связи прямой умысел характерен для ст. 138.1, 164, 187, 189, ч. 1 ст. 220, 221, 223, 223.1, 226.1, 228, 228.1, 228.4, ч. 1 ст. 234.1, 235.1, 273, 355 УК РФ. В перечисленных составах, как правило, мотив преступления не влияет на квалификацию деяния. Им могут быть любопытство, корысть, зависть и др. Вместе с тем в отдельных квалифицированных и особо квалифицированных составах имеется указание на корыстную заинтересованность при

совершении преступления (см., например, ст. 273 УК РФ).

Примечательно, что если для большинства преступлений в области общественно полезной инновационной деятельности корыстный мотив является ключевым и в ряде случаев обязательным, то в преступлениях в сфере вредоносного вида названной деятельности корыстный мотив не является главенствующим, а выступает одним из возможных. Так, в ходе проведенного нами социологического исследования лиц, осужденных за преступления в сфере вредоносной инновационной деятельности (всего в анкетировании приняло участие 2485 чел.), при ответе на вопрос «Каким мотивом вы руководствовались при совершении преступления?» ответы распределились следующим образом: 32 % – для получения выгоды, 27 % – месть, 18 % – совершение другого преступления, 14 % – любопытство, 9 % – иное.

Применительно к ст. 273 УК РФ в литературе высказывается предложение о необходимости выделения в качестве квалифицирующих признаков состава следующих мотивов и целей совершения указанного преступления:

- 1) из хулиганских побуждений;
- 2) с целью устрашения населения или воздействия на принятие решения органами власти либо международными организациями, а также воспрепятствования нормальной деятельности средств массовой информации, органов власти, государственных и муниципальных учреждений;
- 3) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение⁶.

С обозначенными предложениями сложно согласиться, поскольку это ведет к чрезмерному расширению числа обстоятельств, которые в ряде случаев носят индивидуальный и единичный характер и должны учитываться не как квалифицирующие признаки состава, а как факторы, влияющие на размер назначаемого наказания. Более того, как правило, рассматриваемое преступление совершается в результате длительной и целенаправленной подготовки, а потому имеет высокую степень общественной опасности. В этой связи вполне обоснованно, что законодатель ввиду повышенной общественной опасности данного преступления устанавливает за его совершение уголовную ответственность независимо от мотивов и целей его совершения.

В ходе проведенного нами социологического исследования лиц, осужденных за

указанные преступления, 87 % опрошенных ответили, что совершенное ими преступление было подготовленным, и только 13 % заявили, что преступление было спонтанным. Причем опрошенными при ответе на вопрос использовались такие фразы, как «поверьте, все было очень хорошо спланировано», «у меня был лучший план».

Анализ субъективной стороны составов преступлений, связанных с незаконным использованием результатов вредоносной инновационной деятельности, позволяет заключить, что некоторые из преступлений анализируемой группы норм можно совершить по неосторожности. Вина в форме небрежности предусмотрена квалифицированными или особо квалифицированными составами перечисленных ранее преступлений и распространяется в отношении последствий. Так, в частности, в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 220 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами, если это повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия либо смерть двух или более лиц.

Получается, что законодатель конструирует субъективную сторону квалифицированного и особо квалифицированного составов преступления, предусмотренного ст. 220 УК РФ, как преступление с двумя формами вины. Аналогичный способ использован и при создании ст. 234.1 УК РФ. Так, в ч. 2 и 3 отмеченной статьи указано на последствия деяния, повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерть человека. Причем такие последствия характерны, исходя из смысла статьи, для всех перечисленных в ч. 1 действий: производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, ввоз, вывоз, сбыт. Этот факт вызывает серьезные сомнения с точки зрения реальности. Как на практике изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, приобретение, ввоз, вывоз новых потенциально опасных психоактивных веществ может повлечь смерть человека? Это, конечно, теоретически возможно, например когда в результате проведения эксперимента лицо нарушает правила эксплуатации оборудования и допускает взрыв, в результате которого погибает человек, однако на практике маловероятно. Более того, в такой ситуации возникает проблема квалификации действий лица по другим статьям уголовного кодекса. С боль-

шой долей уверенности можно предположить, что последствия, указанные в ч. 2 и 3 ст. 234.1 УК РФ, характерны для сбыта, поскольку на практике это наиболее распространенные деяния, которыми совершается преступление.

Имеется в отмеченной группе преступлений и состав, субъективная сторона которого предполагает как прямой и косвенный умыслы, так и небрежность. Речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 274.1 УК РФ (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации). Специфика указанного состава в том, что в нем предполагаются как действия, связанные с созданием, использованием и распространением компьютерных программ или информации, заведомо предназначенных для совершения атак на объекты критической информационной инфраструктуры (ч. 1), так и деяния, направленные на неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации (ч. 2). Если первые из описанных деяний предполагают прямой умысел, то совер-

шение действий, связанных с неправомерным доступом, возможно совершить и с косвенным умыслом. В свою очередь, в ч. 3 анализируемой статьи описаны и криминализованы деяния по нарушению правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации.

Сущность нарушения правил эксплуатации предусматривает такую форму вины, как небрежность. В этой связи следует согласиться с точкой зрения Н. Ш. Козаева, который отмечает применительно к анализу ст. 274 УК РФ, что неуказание на форму вины в составе нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерных данных является недостатком законодателя, поскольку сама конструкция состава логически требует признания возможности совершения деяния по неосторожности, но ч. 2 ст. 24 УК РФ позволяет признавать преступление совершенным по неосторожности, только если это предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. 2-е изд., пересм. и доп. Тула, 2001. Т. 1. С. 447.

² Сергаевский Н. Д. Русское уголовное право : курс лекций. Петроград, 1915. С. 259.

³ См.: Бавсун М. В., Марцев А. И., Спиридонов А. П. Развитие субъективной стороны преступления в уголовно-правовой доктрине. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-subektivnoy-storony-prestupleniya-v-ugolovno-pravovoy-doktrine> (дата обращения: 04.07.2020).

⁴ Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 55.

⁵ См., например: Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 114; Злобин Г. А. Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С. 22–34; Малков В. П. Субъективные основания уголовной ответственности // Гос-во и право. 1995. № 1. С. 98–91.

⁶ См.: Евдокимов К. Н. К вопросу о субъективной стороне состава преступления при создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ) // Рос. следователь. 2013. № 8. С. 22–26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Козаев Н. Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права (анализ зарубежного и российского законодательства) : моногр. М., 2015. С. 172.

¹ Tagancev N. S. Russkoe ugovolnoe pravo. CHast' Obshchaya. 2-e izd., peresm. i dop. Tula, 2001. T. 1. S. 447.

² Sergaevskij N. D. Russkoe ugovolnoe pravo : kurs lekcij. Petrograd, 1915. S. 259.

³ Sm.: Bavsun M. V., Marcev A. I., Spiridonov A. P. Razvitie sub"ektivnoj storony prestupleniya v ugovolno-pravovoj doktrine. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-subektivnoy-storony-prestupleniya-v-ugolovno-pravovoy-doktrine> (data obrashcheniya: 04.07.2020).

⁴ Rarog A. I. Kvalifikaciya prestuplenij po sub"ektivnym priznakam. SPb., 2003. S. 55.

⁵ Sm., naprimer: Demidov YU. A. Social'naya cennost' i ocenka v ugovolnom prave. M., 1975. S. 114; Zlobin G. A. Vinovnoe vmenenie v istoricheskom aspekte // Ugovolnoe pravo v bor'be s prestupnost'yu. M., 1981. S. 22–34; Malkov V. P. Sub"ektivnye osnovaniya ugovolnoj otvetstvennosti // Gos-vo i pravo. 1995. № 1. S. 98–91.

⁶ Sm.: Evdokimov K. N. K voprosu o sub"ektivnoj storone sostava prestupleniya pri sozdanii, ispol'zovanii i rasprostranении вредоносных komp'yuternyh programm (st. 273 UK RF) // Ros. sledovatel'. 2013. № 8. S. 22–26. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

⁷ Sm.: Kozhev N. SH. Sovremennye tekhnologii i problemy ugovolnogo prava (analiz zarubezhnogo i rossijskogo zakonodatel'stva) : monogr. M., 2015. S. 172.

УДК 343.228

Необходимая оборона: особенности уголовно-правовой оценки оборонительных действий от угрозы имитацией огнестрельного оружия

И. А. ТАРАКАНОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются особенности применения норм института необходимой обороны при оценке правомерности оборонительных действий от угрозы имитацией огнестрельного оружия. Автор анализирует положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», а также точки зрения ученых относительно уголовно-правовой оценки мнимой обороны, в том числе при добросовестном заблуждении оборонявшегося лица о характере насилия, применяемого при посягательстве. В результате проведенного исследования сделан вывод о допустимости причинения в такой ситуации любого вреда посягающему лицу независимо от его намерения совершить преступление или просто пошутить.

Ключевые слова: необходимая оборона; мнимая оборона; посягательство; правомерность причинения вреда; оборонительные действия; огнестрельное оружие; фактическая ошибка.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Justifiable defense: features of the criminal law assessment of defensive actions against threats by imitation of firearms

I. A. TARAKANOV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article discusses the features of application the norms of the institute of justifiable defense in assessing the legality of defensive actions against threats by imitation of firearms. The author analyzes the provisions of the Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 "On the application by the courts of legislation on justifiable defense and harm during the detention of the person who committed the crime", as well as the point of view of scientists regarding the criminal legal assessment of imaginary defense, with the bona fide ignorance of the defending person about the nature of the violence used in the assault. As a result of the study, it was concluded that it is permissible to inflict any harm on an infringing person in such a situation, regardless of his intention to commit a crime or just to joke.

Key words: justifiable defense; imaginary defense; encroachment; legality of harm; defensive actions; firearms; actual error.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод челове-

ка и гражданина – обязанность государства. Однако государство не всегда способно обеспечить защиту прав человека, поэтому в определенных случаях, согласно ч. 2 ст. 45

Конституции Российской Федерации, оно наделяет его правом защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Одним из таких способов выступает необходимая оборона, предусмотренная ст. 37 УК РФ. Однако чтобы такая защита не превратилась в самосуд или расправу, лицо, реализующее свое право на необходимую оборону, должно придерживаться определенных правил, условий правомерности причинения вреда, одним из которых является требование о том, чтобы причиненный вред не был явно чрезмерен.

При оценке пределов причинения вреда посягающему лицу при необходимой обороне принципиально важное значение имеет характер применяемого насилия. Так, из положений ч. 1 ст. 37 УК РФ и п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»¹ следует, что при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

В п. 2 указанного постановления отмечается, что о наличии такого посягательства может свидетельствовать применение посягающим лицом оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Кроме того, об угрозе применения опасного для жизни насилия может свидетельствовать демонстрация нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Не вызывает сомнений наличие у обороняющегося права на причинение любого вреда посягающему в случаях, когда тот применяет или угрожает применением оружия. Опасность для жизни представляется бесспорной в случаях, когда посягающий использует при этом огнестрельное оружие.

Однако не исключены ситуации, в которых в руках у посягающего лица окажется не огнестрельное оружие, а его довольно точная имитация. Речь может идти о массо-габаритном макете огнестрельного оружия (к примеру, автомата Калашникова), сувенирной, декоративной или игрушечной копии оружия, страйкбольном приводе, не отлича-

ющемся на первый взгляд от огнестрельного оружия.

Следует также обратить внимание, что многие образцы газового оружия являются репликой определенных видов огнестрельного оружия, что затрудняет их моментальное безошибочное определение. Аналогичное утверждение касается и огнестрельного оружия ограниченного поражения, однако его применение, в отличие от газового, создает большую вероятность причинения смерти или тяжкого вреда здоровью, поэтому наличие у посягающего так называемого травматического оружия не вызывает сомнений в общественной опасности посягательства.

Кроме того, нападающий может угрожать и неисправным, непригодным к стрельбе оружием.

Возникновение подобной ситуации вполне вероятно при совершении таких преступлений, как разбой, хулиганство, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, применение насилия в отношении представителя власти, и в других случаях, когда в силу каких-либо причин (хулиганские побуждения, личная неприязнь, корыстная цель, мотивы ненависти или вражды) посягающий решает таким своеобразным способом напугать потерпевшего.

Фактически такое посягательство не представляет опасности не только для жизни, но и для здоровья обороняющегося или других лиц, поскольку произвести выстрел из такой имитации огнестрельного оружия невозможно.

Однако следует ли требовать от обороняющегося лица безошибочного определения непригодности предмета, похожего на огнестрельное оружие, к производству выстрела, а следовательно, обязать его ограничить свои оборонительные действия или вообще отказаться от них? Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным.

Следует заметить, что позиция Верховного Суда Российской Федерации в отношении угрозы предметом, похожим на огнестрельное оружие, но таковым не являющимся, несмотря на разные подходы к квалификации отдельных преступлений, исходит из того, что потерпевший и иные лица имеют все основания опасаться за свою жизнь и здоровье.

Так, согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиган-

ских побуждений»² применение виновным оружия, непригодного к стрельбе, или его имитации (сувенирного, декоративного, игрушки) позволяет квалифицировать его действия по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ, то есть как хулиганство, совершенное с применением оружия. Таким образом, уголовно-правовая оценка заключается в отождествлении оружия и его имитации.

Несколько отличается подход к уголовно-правовой оценке угрозы имитацией огнестрельного оружия, закрепленный в п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»³. Так, если виновный угрожал оружием, непригодным к стрельбе, или его имитацией, то его действия квалифицируются как разбой, предусмотренный ч. 1 ст. 162 УК РФ. При этом квалифицирующий признак применения оружия, предусмотренный ч. 2 рассматриваемой статьи, виновному не вменяется.

Несмотря на то что Пленум Верховного Суда Российской Федерации не счел возможным при квалификации разбоя отождествить огнестрельное оружие с его имитацией, вновь было признано, что у потерпевшего и других лиц в такой ситуации возникают явные основания опасаться за свою жизнь и здоровье, поскольку именно такой характер насилия указан в ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Так, приговором Димитровского районного суда г. Костромы подсудимый В. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 и ч. 1 ст. 162 УК РФ. В обосновании принятого решения судом было указано, что «угрозу жизни или здоровью, выраженную в демонстрации предмета, похожего на пистолет, потерпевшие А. А., А. А. и З. П. воспринимали в сложившейся ситуации реально, учитывая агрессивное поведение подсудимого, его нетрезвое состояние при угрозе А. А.; неоднократное требование подсудимого отвезти его и пересесть на другое сидение в машине; наведение предмета, похожего на пистолет, непосредственно на потерпевших; словесные угрозы убийством в адрес потерпевших, при этом непосредственно толкнул потерпевшую А. А.; сам подсудимый пояснил, что при всех этих действиях у него в руках был пистолет-фонарик, внешне напоминающий пистолет-оружие»⁴.

Уголовно-правовую оценку оборонительных действий от угрозы имитацией огнестрельного оружия следует производить с

учетом положений о мнимой обороне. Для определения обороны как мнимой, по мнению Е. В. Лукки, необходимо наличие обстоятельств, внешне сходных с общественно опасным посягательством, а также ошибки лица в оценке общественной опасности деяния⁵.

При этом следует учесть, что в рассматриваемой ситуации уместно говорить не об обороне от несуществующего посягательства, а об обороне от общественно опасного посягательства, при котором обороняющийся ошибается в характере применяемого насилия.

Анализ положений п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» позволяет выделить три ситуации мнимой обороны, влекущие разные юридические последствия для обороняющегося. Рассмотрим их с позиций обороны от посягательства с использованием непригодного к стрельбе предмета, внешне повторяющего формы и признаки огнестрельного оружия:

1. В тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны. Представляется, что в большинстве случаев именно так следует оценивать оборонительные действия лица от посягательства, при котором посягающее лицо демонстрирует предмет, похожий на огнестрельное оружие.

2. В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности. Такая ситуация представляется маловероятной, поскольку обороняющийся должен расценивать предмет в руках посягающего либо как огнестрельное оружие, применение которого опасно для жизни, либо как не представляющую такой опасности вещь, непригодную для производства выстрела. Обязывать же обороняющегося «оптимистично» надеяться, что оружие окажется ненастоящим, представляется недопустимым.

3. Если же общественно опасного посягательства не существовало в действительности и окружающая обстановка не давала лицу оснований полагать, что оно происходит, действия лица подлежат квалификации на общих основаниях. Такая ситуация возможна лишь в случаях, когда обороняющееся лицо достоверно знает, что в руках у посягающего не огнестрельное оружие, а его копия, безопасная с точки зрения возможности произвести выстрел. Однако о такой достоверности можно утверждать только в тех случаях, когда сам обороняющийся заранее убедился в безопасности такого предмета (к примеру, сам передал его посягающему, который в дальнейшем прицелился в него, или явно увидел световую иллюминацию и звуки детской игрушки, повторяющей формы пистолета или автомата).

Квалификация оборонительных действий в третьем случае не вызывает сомнений. Как справедливо отмечает А. А. Арямов, ничем не спровоцированное насилие, вызванное лишь повышенной мнительностью оборонявшегося, должно квалифицироваться как умышленное преступление на общих основаниях при условии, если отсутствовали какие-либо признаки нападения и с точки зрения обычного разумного человека не было повода опасаться нападения⁶.

Что же касается первого случая мнимой обороны, то его целесообразно рассматривать с позиций квалификации фактической ошибки. Под такой ошибкой, по мнению В. И. Акимочкина, принято понимать неверное представление лица о фактических обстоятельствах совершенного им деяния, при этом такие обстоятельства выступают в качестве объективных признаков состава конкретного преступления, определяют характер и степень его общественной опасности. Применительно к ситуации мнимой обороны это может означать, что лицо заблуждается, считая свои оборонительные действия социально полезными или социально нейтральными, хотя фактически они являются социально опасными⁷.

Следует признать, что в рассматриваемом случае ошибка является извинительной, поскольку, как справедливо отмечает А. В. Неврев, при мнимой обороне извинительной ошибкой признается такое заблуждение, при котором у оборонявшегося были достаточные основания к тому, чтобы усмотреть наличие и источник общественно опасного посягательства⁸. Сходного мнения

придерживается Е. В. Авдеева, утверждая, что действия оборонявшегося необходимо квалифицировать как невинное причинение вреда в случае его добросовестного заблуждения при наличии оснований полагать о существовании опасности для жизни⁹.

На извинительную ошибку при мнимой обороне обращает внимание и Н. Г. Вольди-марова. По ее мнению, действия, которые были бы правомерны при действительном, реальном общественно опасном посягательстве, не могут вменяться в вину оборонявшемуся в случаях, когда тот не осознавал и по обстоятельствам дела не мог осознавать, что его предположение о наличии посягательства является ошибочным¹⁰.

Следовательно, необходимо признать вполне логичными и обоснованными опасения обороняющегося и других лиц за свою жизнь в случае угрозы им предметом, напоминающим огнестрельное оружие. При этом следует согласиться с мнением, высказанным С. Н. Шрамко: «При мнимой обороне решающее значение принадлежит анализу субъективного восприятия обстановки обороняющимся»¹¹. Кроме того, уместно обратиться к положениям п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», согласно которым обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в ситуации угрозы предметом, похожим на огнестрельное оружие, обороняющийся имеет право на причинение любого вреда посягающему лицу. И не имеет значения, собирался ли посягающий при этом совершить какое-либо преступление (к примеру, разбой) или просто пошутить. Ответственность за любые последствия, возникающие в результате подобной шутки, может быть возложена лишь на угрожавшее лицо. Обязывать же обороняющегося осознавать непригодность предмета, имитирующего огнестрельное оружие, к производству выстрела или надеяться, что оружие не настоящее, означает ограничить право данного лица на необходимую оборону, подвергнув тем самым опасности его жизнь и здоровье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Рос. газ. 2012. 3 окт.

² См.: Там же. 2007. 21 нояб.

³ См.: Там же. 2003. 18 янв.

⁴ Приговор Дмитровского районного суда г. Костромы № 1-66/2012 от 03.10.2012. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bOxS5ih9M9Z0/> (дата обращения: 12.06.2020).

⁵ См.: Лукки Е. В. Понятие мнимой обороны в российском уголовном праве // Вест. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 1 : Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4 (167). С. 166.

⁶ См.: Арямов А. А. Правомерное причинение вреда. Челябинск, 2004. С. 74.

⁷ См.: Акимочкин В. И. К вопросу о мнимой обороне и фактической ошибке в уголовном праве // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 3. С. 332.

⁸ См.: Неврев А. В. Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 79.

⁹ См.: Авдеева Е. В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Рос. судья. 2019. № 1. С. 16–17.

¹⁰ См.: Вольдимарова Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 56.

¹¹ Шрамко С. Н. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 44.

¹ Sm.: Ros. gaz. 2012. 3 okt.

² Sm.: Tam zhe. 2007. 21 noyab.

³ Sm.: Tam zhe. 2003. 18 yanv.

⁴ Prigovor Dimitrovskogo rajonnogo suda g. Kostromy № 1-66/2012 ot 03.10.2012. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bOxS5ih9M9Z0/> (data obrashcheniya: 12.06.2020).

⁵ Sm.: Lukki E. V. Ponyatie mnimoy oborony v rossijskom ugovnomn prave // Vest. Adygejsk. gos. un-ta. Ser. 1 : Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2015. № 4 (167). S. 166.

⁶ Sm.: Aryamov A. A. Pravomernoe prichinenie vreda. Chelyabinsk, 2004. S. 74.

⁷ Sm.: Akimochkin V. I. K voprosu o mnimoy oborone i fakticheskoj oshibke v ugovnomn prave // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2019. T. 27, № 3. S. 332.

⁸ Sm.: Nevrev A. V. Neobhodimaya oborona: problemy kvalifikacii i pravoprimeniya : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. S. 79.

⁹ Sm.: Avdeeva E. V. Neobhodimaya oborona: aktual'nye voprosy zakonodatel'noj reglamentacii i pravoprimeniya // Ros. sud'ya. 2019. № 1. S. 16–17.

¹⁰ Sm.: Vol'dimarova N. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za ubijstvo pri prevyshenii predelov neobhodimoy oborony : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. S. 56.

¹¹ SHramko S. N. Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie vreda zdorov'yu pri prevyshenii predelov neobhodimoy oborony libo pri prevyshenii mer, neobhodimyh dlya zaderzhaniya lica, sovershivshego prestuplenie : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2004. S. 44.

УДК 343.1

Об отдельных аспектах полномочий органов дознания

Ю. Н. СПИРИДОНОВА – начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются отдельные элементы полномочий органов дознания, таких как прием, регистрация и проверка сообщений о преступлениях, производство расследования в форме дознания, процессуальный контроль за расследованием уголовных дел в форме дознания; анализируется зарубежный опыт регламентации ускоренного досудебного производства. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства России и зарубежных стран автор приходит к выводу, что совершенствование законодательной техники и дальнейший поиск оптимальной формы ускоренного производства приведут к положительным результатам в оптимизации уголовно-процессуальной деятельности органов дознания.

Ключевые слова: органы дознания; сообщения о преступлениях; сроки дознания; контроль за расследованием; дознание; дознание в сокращенной форме; упрощенное досудебное производство.

12.00.09 – Уголовный процесс.

On certain aspects of the powers of inquiry bodies

Y. N. SPIRIDONOVA – Head of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

The article examines certain elements of the powers of the inquiry bodies, such as the reception, registration and verification of reports of crimes, investigation in the form of inquiry, procedural control over the investigation of criminal cases in the form of inquiry; the foreign experience of regulation of accelerated pre-trial proceedings is analyzed. Based on the analysis of the criminal procedural legislation of Russia and foreign countries the author comes to the conclusion that the improvement of the legislative technique and the further search for the optimal form of accelerated proceedings will lead to positive results in optimizing the criminal procedural activity of the inquiry bodies.

Key words: inquiry bodies; reporting of crimes; terms of inquiry; control over the investigation; inquiry; inquiry in an abbreviated form; simplified pre-trial proceedings.

12.00.09 – Criminal procedure.

Органы дознания играют значительную роль на досудебных стадиях уголовного процесса, однако правовое регулирование их деятельности нельзя признать совершенным.

На стадии возбуждения уголовного дела основной задачей органов дознания являются прием, регистрация и проверка сообщений о преступлениях. Порядок приема

и регистрации сообщений о преступлениях регламентируется ведомственными нормативными актами. В целом содержание данных приказов в большинстве правоохранительных органов идентично, поскольку разработаны они в соответствии с требованиями, изложенными в приказе Генпрокуратуры России, МВД России, Минобороны России, Минюста России, ФСБ России, Ми-

нэкономразвития России, ФСКН России от 29.12.2005 № 39/1070/1021/253/780/353/359 на основании Типового положения о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях, являющегося приложением к данному нормативному акту. Вместе с тем ФСБ России и ФСИН России установили свой порядок регистрации, предусмотрев не единую книгу регистрации сообщений о преступлениях и происшествиях, а две: в Федеральной службе безопасности – это Книга № 1 для регистрации сообщений о преступлениях и Книга № 2 для регистрации иной информации¹, а в Федеральной службе исполнения наказаний – это Книга регистрации сообщений о преступлениях и Журнал учета иной информации².

Поскольку проверку сообщения о преступлении могут осуществлять не только дознаватели специализированных подразделений дознания, но и любые сотрудники органа дознания, которым было дано поручение на проверку начальником органа дознания, могут возникать сложности с качеством производимых следственных и иных процессуальных действий. Для качественного получения объяснений, производства осмотра места происшествия требуются определенные навыки, позволяющие собрать материал, который в дальнейшем может быть успешно использован при формировании доказательственной базы. В случае принятия в дальнейшем решения о производстве дознания в сокращенной форме объяснения заменяют протоколы допроса и лица, давшие эти объяснения, не будут допрошены даже в суде ввиду рассмотрения дела в особом порядке. В силу данных обстоятельств в правоохранительных органах, в которых отсутствуют следственные подразделения и специализированные подразделения дознания, при выявлении признаков преступления целесообразно как можно быстрее принять меры к сохранению следов преступления, после чего незамедлительно передать материалы по подследственности для дальнейшей проверки и принятия итогового процессуального решения.

На стадии предварительного расследования основным видом деятельности органов дознания является производство расследования уголовных дел в форме дознания. Несмотря на многократные попытки законодателя усовершенствовать данную форму расследования, в том числе путем введения дознания в сокращенной форме, регламентация данной формы расследова-

ния по-прежнему вызывает много нареканий.

Вызывает вопросы регламентация в уголовно-процессуальном законодательстве сроков дознания. Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет сделать вывод о нарушении правил законодательной техники, а соответственно, и наличии противоречий в ряде статей данного нормативного акта.

В нормах, регламентирующих продление сроков на досудебных стадиях, законодатель использует предлог «до». Так, на стадии возбуждения уголовного дела разрешается продлить срок проверки сообщения о преступлении начальником органа дознания или руководителем следственного органа до 10 суток; затем при необходимости производства ревизий, документальных проверок, экспертиз, исследований и производства оперативно-розыскных мероприятий разрешается продлить срок прокурором или руководителем следственного органа до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Срок предварительного расследования в форме следствия составляет два месяца и на основании ч. 4 ст. 162 УПК РФ его можно продлить до трех месяцев, а на основании ч. 5 ст. 163 УПК – до 12 месяцев. Имеется в виду продление срока на определенное количество суток или месяцев со дня его начала (регистрация сообщения о преступлении – стадия возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о возбуждении уголовного дела – на стадии предварительного расследования). В определении же первоначального срока продления дознания законодатель совершенно необоснованно применяет данный предлог в ч. 3 ст. 223 УПК РФ: указывает, что первоначальный срок 30 суток может быть продлен до 30 суток. Совершенно очевидно, что в данном случае правильнее было бы использовать предлог «на» либо указать, что срок продлевается до 60 суток. При определении дальнейших сроков дознания в ч. 4, 5 ст. 223 УПК РФ и при определении сокращенных сроков дознания в ч. 2 ст. 226.6 подобной ошибки уже не допускается.

Следующий вопрос, на который, по нашему мнению, необходимо обратить внимание, – это количество должностных лиц, контролирующих процесс расследования. Если при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия фактически процесс расследования контролирует лишь руководитель следственного органа, то при дознании таковыми являются и начальник

подразделения дознания, и начальник органа дознания, и прокурор, обладающий значительным объемом властных полномочий по отношению к дознавателю. Наличие такого многоуровневого контроля, на наш взгляд, не вполне обоснованно, поскольку, к примеру, в органах внутренних дел, где расследуется большинство уголовных дел, в отношении следователей и дознавателей действуют единые квалификационные требования, установленные приложением № 11 к приказу МВД России «Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации»³. В соответствии с данным нормативным актом дознаватели, как и следователи, должны иметь высшее юридическое образование. Кроме того, степень тяжести преступления и отнесение его на основании ч. 3 ст. 150 УПК РФ к той или иной форме расследования не имеет прямой связи со сложностью расследования. Проблемы и сложные следственные ситуации при установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, могут возникать независимо от формы расследования.

На наш взгляд, все полномочия по процессуальному контролю в рамках расследования уголовных дел и право утверждения обвинительного акта и обвинительного постановления целесообразно было бы передать начальнику подразделения дознания. Перед начальником органа дознания ведомств, в составе которых работают специализированные подразделения дознания, стоит много других задач, и, кроме того, зачастую лица, занимающие данные должности, далеки от уголовно-процессуальной деятельности, поэтому передача данных полномочий начальникам подразделений дознания снизит нагрузку на начальника органа дознания, сделает процессуальный контроль более действенным, а дознавателей разгрузит от дополнительных согласований у вышестоящих руководителей.

В связи с изложенным возникает вопрос о целесообразности включения в полномочия органов дознания такой формы расследования, как дознание, которая фактически мало чем отличается от предварительного следствия. Органы дознания, исходя из своей сущности, должны быть в большей степени ориентированы на упрощенное производство и производство неотложных следственных действий. Дознание в сокращенной форме, регламентированное гл. 32.1 УПК РФ, является крайне запутанной процедурой, кроме того, применять его можно при

наличии значительного количества требований, обозначенных в ч. 2 ст. 226.1 и ст. 226.2 УПК РФ. Сокращенным по времени его можно назвать также условно, поскольку сокращенный срок дознания, составляющий 15, а в некоторых случаях 20 суток, начинается не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Таким образом, для решения вопроса об оптимизации деятельности органов дознания необходимо прежде всего решить вопрос о создании действительно упрощенного и сокращенного досудебного производства.

В качестве примера подобного производства может служить ускоренное досудебное производство, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством Кыргызской Республики. Порядок ускоренного производства, регламентированного гл. 45.1 УПК Кыргызской Республики, во многом схож с ранее существовавшей в отечественной практике протокольной формой досудебной подготовки материалов. Оно осуществляется до возбуждения уголовного дела по очевидным преступлениям в срок десять суток. В рамках данного производства разрешается получение объяснений, производство осмотра места происшествия, назначение экспертиз, истребование предметов и документов. По итогам ускоренного досудебного производства составляется протокол.

Представляет интерес также опыт Азербайджанской Республики: на основании ст. 294.1.2 УПК Азербайджанской Республики решение о расследовании по делу в форме упрощенного досудебного производства должно приниматься в срок, не превышающий 24 часа с момента поступления жалобы по очевидному преступлению, не представляющему большой общественной опасности. Срок такого упрощенного производства также составляет десять суток.

Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан также сохранило протокольную форму досудебной подготовки материалов, немного изменив процедуру ее завершения. В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 453 УПК Республики Таджикистан ускоренное производство проводится до возбуждения уголовного дела немедленно после выявления очевидного преступления. Сотрудником органа дознания в семидневный срок берутся объяснения, истребуются необходимые справки и характеристики, максимальный срок с момента поступления сообщения о преступле-

нии до передачи дела прокурору составляет десять суток.

За счет подобной регламентации упрощенного производства в уголовно-процессуальных кодексах данных государств сроки досудебного производства значительно сокращаются, что позволяет в итоге максимально приблизить момент поступления со-

общения о преступлении к моменту рассмотрения дела в суде.

Полагаем, что совершенствование законодательной техники и дальнейший поиск оптимальной формы ускоренного производства приведут к положительным результатам в оптимизации уголовно-процессуальной деятельности органов дознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Об утверждении Инструкции по организации в органах федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности : приказ ФСБ России от 16.05.2006 № 205. URL: <https://base.garant.ru/12149899/> (дата обращения: 21.06.2020).

² Об утверждении Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях : приказ Минюста России от 11.07.2006 № 250. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12048676/> (дата обращения: 21.06.2020).

³ См.: URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2020).

¹ Sm.: Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii v organah federal'noj sluzhby bezopasnosti priema, registracii i proverki soobshchenij o prestupleniyah i inoj informacii o prestupleniyah i sobytyyah, ugrozhayushchih lichnoj i obshchestvennoj bezopasnosti : prikaz FSB Rossii ot 16.05.2006 № 205. URL: <https://base.garant.ru/12149899/> (data obrashcheniya: 21.06.2020).

² Ob utverzhdenii Instrukcii o prieme, registracii i proverke v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy soobshchenij o prestupleniyah i proisshestiyyah : prikaz Minyusta Rossii ot 11.07.2006 № 250. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12048676/> (data obrashcheniya: 21.06.2020).

³ Sm.: URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 20.06.2020).

АНОНС МОНОГРАФИИ

В издательском доме Томского государственного университета вышла в свет коллективная монография «Право. Государство. Управление: общетеоретические и отраслевые аспекты»¹, посвященная 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора, основателя и руководителя научной школы административного права Томского государственного университета Владимира Федоровича Воловича².

Работа стала результатом многолетнего труда коллектива авторов и посвящена актуальным проблемам права, государства и управления. В монографии анализируются различные аспекты теории государства и права, конституционного и административного права. Особое внимание уделено проблемам справедливости, законности, эффективности норм права, правового обеспечения управленческих процессов, государственной службы.

В авторский коллектив монографии вошли ведущие ученые и специалисты в области различных отраслей права: Э. Ю. Балаян, А. В. Баранов, С. В. Ведяшкин, Л. В. Гааг, А. М. Дегтярева, М. М. Журавлев, В. В. Кожевников, А. А. Макарецев, А. А. Петров, Д. В. Сенникова, А. А. Трынченков, Е. А. Шушарина, Э. С. Юсубов.

Профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России доктор юридических наук Р. В. Нагорных внес существенный вклад в подготовку совместного труда, посвятив одну из

глав рассмотрению эволюции административно-правовой науки и ее задач в современных условиях.

Профессором Р. В. Нагорных подчеркивается, что «современный период развития административного права и процесса характеризуется проведением широкого фронта научно-исследовательских работ в рамках доктрины административного конституционализма», что обуславливает необходимость «научного осмысления широкого круга проблем реализации базовых конституционных положений в области защиты прав и свобод личности от любых форм произвола со стороны публичной администрации, формирования и развития эффективной демократической модели государственного управления и соответствующей ей демократической системы исполнительной власти»³.

Рецензентами работы выступили профессор кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета доктор юридических наук В. Ю. Панченко и профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук С. А. Старостин.

Книга предназначена для всех интересующихся актуальными проблемами теории государства и права, конституционного и административного права, может быть использована в учебном процессе юридических вузов.

Н. А. МЕЛЬНИКОВА, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

¹ См.: Право. Государство. Управление: общетеоретические и отраслевые аспекты / под ред. М. М. Журавлева, С. В. Ведяшкина. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2020. 282 с. ISBN 978-5-94621-679-1.

² Волович Владимир Фёдорович (1935–2009) – правовед, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права юридического факультета Томского государственного университета. Одним из первых в стране выдвинул и обосновал концепцию системного подхода к стилю государственного управления, его демократизации, основным направлениям повышения его эффективности, действенности, юридической ответственности органов государственной власти, должностных лиц. Инициатор создания первой в Российской Федерации кафедры природно-ресурсного, земельного и экологического права.

³ Право. Государство. Управление: общетеоретические и отраслевые аспекты. С. 160.